

**АЛЕКСАНДР
ФЕКЛИСОВ**

РУЗВЕЛЬТ, КЕННЕДИ, СОВЕТСКАЯ АГЕНТУРА

Александр Семенович Феклисов Рузвельт, Кеннеди, советская агентура

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131922
Рузвельт, Кеннеди, советская резидентура.: Алгоритм; Москва; 2011
ISBN 978-5-6994-6002-1*

Аннотация

Александр Феклисов тридцать пять лет проработал во внешней разведке КГБ, большую часть из которых – в США и Великобритании. Он участвовал во многих тайных операциях КГБ, в том числе в охоте за американскими атомными секретами. Кроме того, в этой книге рассказывается об «агентурных» обстоятельствах поездки Хрущева в США, о роли советских спецслужб в разрешении «Карибского кризиса» и о загадке убийства президента США Дж. Кеннеди – убийства, которое в США приписывали КГБ...

Книга также издавалась под названием «За океаном и на острове».

Содержание

От автора	4
Мой путь в разведку	6
Через океан	12
Тревожное накануне	15
Лукавая политика союзников и кое-что об эмиграции	18
В резидентуре	33
Контрразведка действует, но и мы не сидим сложа руки	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Семенович Феклисов

Рузвельт, Кеннеди, советская резидентура

Посвящается моим дорогим американским и английским друзьям, помогавшим нам в Великой Отечественной войне победить фашистскую Германию, а затем предотвратить развязывание ракетно-ядерного конфликта.

От автора

Я работал во внешней разведке КГБ СССР с июля 1939 года по июль 1974 года, то есть тридцать пять лет. За это время прошел путь от рядового оперативного сотрудника до начальника отдела. Трижды был в длительных заграничных командировках – с января 1941 года по сентябрь 1946-го в Соединенных Штатах, с сентября 1947-го по апрель 1950-го в Великобритании и с августа 1960-го по март 1964-го снова в США.

В 1974 году я вышел в отставку в звании полковника, но продолжал служить в разведке по вольному найму до середины 1986 года.

Мысль написать воспоминания о моей разведывательной работе впервые пришла, когда я смотрел по телевидению выступление писателя К. М. Симонова с его «Солдатскими мемуарами», в которых он подчеркивал необходимость, пока еще живы современники Великой Отечественной войны, записывать для будущих поколений их рассказы о событиях тех лет.

К написанию своих закрытых – для служебного пользования – воспоминаний о разведывательной работе в 1941–1946 годах я приступил в 1987-м и, не торопясь, закончил в 1988 году.

Средства массовой информации, уделяя большое внимание деятельности КГБ, в том числе и его внешней разведке, нередко допускают необъективные суждения, сгущают краски или приводят непроверенные факты. В частности, во многих опубликованных материалах утверждалось, что внешняя разведка работает неэффективно. Это неверно.

Получив разрешение руководства КГБ в 1990 году, я снова взялся за перо, чтобы рассказать широкому кругу читателей о некоторых разведывательных операциях во время моего пребывания в США и Англии. Хочу подчеркнуть, что в этой книге говорится только о тех операциях, в которых я лично участвовал. Это лишь малая толика работы, проводимой внешней разведкой КГБ в 1940–1960 годах.

Сев за свои записки, я преследовал три цели.

Во-первых, показать, что собой представлял разведчик 40—60-х годов – его социальное происхождение и положение, общеобразовательную, политическую и профессиональную подготовку; его трудовую закалку и личные качества; и, наконец, его отношение к разведывательной работе.

Во-вторых, хотя бы вкратце осветить политическую обстановку в США и Англии в период, когда я находился там.

В-третьих, на конкретных примерах показать, как велась наша разведывательная деятельность и какие результаты были достигнуты.

Думаю, что читателей заинтересуют те главы, в которых идет речь о моих встречах с советскими государственными деятелями – В. М. Молотовым и Н. С. Хрущевым, выдаю-

щимся английским писателем Бернардом Шоу, великим русским композитором С. В. Рахманиновым и одним из крупнейших социологов XX века П. А. Сорокиным. Надеюсь, читателям будет любопытно узнать подробности о таких значительных событиях, как поездка в 1959 году Н. С. Хрущева в США, карибский ракетно-ядерный кризис 1962 года, убийство президента США Дж. Кеннеди в 1963 году.

Мой путь в разведку

Даллас, 22 ноября 1963 г. Убит президент США Кеннеди...

Париж, 22 ноября 1963 г. Сотрудники ЦРУ США передают своему кубинскому агенту авторучку с замаскированной в ней отравленной иглой – орудие для уничтожения Фиделя Кастро...

Варадеро (Куба), 22 ноября 1963 г. Ф.Кастро встречается за завтраком с французским журналистом Жаном Даниэлем. Репортер имеет прямое задание американского президента найти пути примирения с кубинскими властями. За утренней трапезой они получают известие о гибели Кеннеди. Кубинский лидер потрясен...

Да, вот такое драматическое сплетение событий в один и тот же день, один и тот же год.

А мы пока мысленно перенесемся в апрель 1961-го. Сотрудник ЦРУ Г. Хант произносит по радио кодовую фразу: «Рыба красного цвета». Это – сигнал к началу вторжения на Кубу.

Радиосигнал сработал. Местом высадки по предложению ЦРУ был избран залив Кочинос, воды которого омывают малонаселенное побережье с небольшими коттеджами и крошечными, похожими на игрушечные, деревушками. За взлетной полосой сельского аэродрома полное безлюдье – зыбкая заболоченная равнина.

Вторжение началось с бомбардировки кубинских аэродромов. Руководители разведки Вашингтона рассчитывали: эту акцию поддержат силы оппозиции на острове. Однако Кастро разгадал маневр и своевременно принял меры. Всех, кто мог бы прийти на помощь высадившемуся на берег отряду кубинских эмигрантов, власти Гаваны заблаговременно арестовали.

Это был удар, имевший катастрофические последствия для всей операции ЦРУ в заливе Кочинос.

Одновременно поднялась шумиха в ООН. Соединенные Штаты были обвинены в причастности к этой акции. Тогда Кеннеди принял решение отменить второй авианалет. И хотя парашютисты-интервенты из так называемой «кубинской бригады» приняли бой, ничто уже не могло спасти их от поражения: на третий день все было кончено...

Я начал книгу с кубинской проблемы не случайно, ибо самому пришлось впоследствии принять в ее решении непосредственное участие. Я находился в США и в дни убийства президента Дж. Кеннеди. Но обо всем этом более подробно в последующих главах.

А сейчас я хочу рассказать о том, как я пришел в разведку.

Родился я в 1914 году в семье железнодорожного стрелочника, выходца из крестьян Тульской губернии. После семилетки учился в фабрично-заводском училище, на рабфаке, в Московском институте инженеров связи на радиофакультете, который успешно закончил.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. В институт часто приходили представители военных академий, беседовали со студентами: шел набор кандидатов. Дошла очередь и до меня. Однажды меня вызвали в ЦК ВКП(б).

– Мы хотим предложить вам, молодому специалисту, очень интересную работу...

– Что ж, если подхожу – возражений не имею. Вся жизнь впереди, – ответил искренне я и вскоре уехал по путевке в дом отдыха в Геленджик. Солнце, море, кипарисы – все прекрасно! Но однажды ко мне подошел незнакомый человек и предъявил удостоверение местных органов НКВД.

– Вам необходимо, товарищ Феклисов, срочно выехать в Москву, – улыбнулся он. – Отдохнете потом...

В Москву – это понятно, но к кому я должен явиться? Телефон мне не дали. Загадки, да и только! Ведь посетивший меня энкаведист толком не объяснил, куда надо прибыть.

Поэтому я не стал особенно торопиться, и когда вышел срок моего отпуска, вернулся домой. А там меня уже ждали встревоженные родители. Выяснилось, что несколько дней подряд к нашему дому приезжает черная «эмка».

– Тебя, сынок, разыскивают, – покачал головой отец. – Натворил что-нибудь, признайся. Соседей расспрашивают. Вот беда-то...

Через некоторое время в дверях появился мужчина лет сорока, с орлиным носом, в пенсне. Пробасил:

– Кажется, Александр вернулся? Родители, как по команде, утвердительно кивнули.

– Попросите-ка его выйти во двор. Разговор состоялся короткий:

– Ну, молодой человек, хочу от души поздравить – вы зачислены в школу особого назначения, сокращенно – ШОН, на один год. Там будете теперь жить и учиться. Ясно?

Затем сказал, чтобы я захватил мыло, зубную щетку, порошок и пару нижнего белья: меня сразу отвезут в школу.

Я бросился домой и объяснил, что меня срочно оформляют на работу под Москвой и мне нужно немедленно ехать туда, а вернусь через неделю. Все мои домашние – от бабушки с бабушкой до младшей сестренки, которой уже исполнилось 14 лет, – молча смотрели, как я перекидывал из чемодана в портфель незатейливые вещи. Попрощавшись со всеми, я ушел с незнакомцем.

Мы помчались по Горьковскому шоссе и скоро прибыли в школу, находившуюся в Балашихе. Мне показали комнату, где я должен был жить вместе с другими товарищами, классы, столовую, просторный двор.

Когда я в субботу возвратился домой, родители и родственники вздохнули с облегчением. Они стали расспрашивать, какую же работу мне предложили. Я ответил:

– Берут радиоинженером на секретную радиостанцию, а в чем будет заключаться работа конкретно, пока неизвестно.

И действительно, я ничего толком не знал. Мое приобщение к миру разведки было для меня полной неожиданностью. Теперь, бросая взгляд в прошлое, должен сказать, что отчетливо понимаю, насколько неожиданно произошел крутой перелом в моей судьбе.

В то давнишнее воскресенье я еще не осознал, что мобилизация меня в органы госбезопасности резко изменит мой образ жизни, оторвет от родных мест, от близких и друзей, среди которых я вырос, и направит мою судьбу по новой, весьма сложной, но интересной дороге, откроет перспективы, о которых я не только не мечтал, но которые мне никогда и не снились.

Условия и обстановка в ШОН оказались непривычными. Школа размещалась в лесу в добротном деревянном двухэтажном доме; ее территория была огорожена забором. В верхнем этаже располагались пять спальных комнат, душевая, зал для отдыха и игр, а в нижнем – два учебных класса и столовая. Спальные комнаты были большие, в них находились два стола для занятий, две роскошные кровати с хорошими теплыми одеялами и два шкафа для одежды. Перед кроватями – коврики. Комната содержалась в идеальной чистоте. По сравнению с обстановкой, в которой я жил дома, где зимой спал на сундуке за печкой, а летом – в сарае на дровах, эти условия казались райскими.

Я, как и другие девять слушателей, остался доволен трехразовым вкусным и сытным питанием, так как в институте, в котором я до недавнего времени учился, столовой не было и обычно мой обед состоял из банки баклажанной икры или фаршированного перца, пятисот граммов черного хлеба и двух-трех стаканов чая.

Коренным образом изменился и мой внешний облик. Если в годы учебы в институте я обычно носил лыжный костюм и лыжные ботинки и все пять лет – заношенное демисезонное пальтишко, то в ШОН нам выдали по добротному пальто, шляпе (до этого шляп я никогда

не брал в руки), костюм, ботинки, сорочки. Нам ежемесячно платили пятьсот рублей. Когда я, одетый с иголки, пришел в очередную субботу домой, родители ахнули от удивления.

Еще через неделю я дал матери четыре сотни. Она, как обычно, взяв деньги не считая, спросила:

– Шура, достаточно ли ты оставил себе?

И после утвердительного ответа пошла в другую комнату, чтобы положить деньги на комод.

Утром в воскресенье, во время завтрака, я заметил, что родители необычно молчаливы и пристально смотрят на меня. Затем отец, явно волнуясь, спросил:

– Сынок, нас беспокоит появление у тебя больших денег, дорогостоящей одежды, то, что ты не бываешь дома по целым неделям. Не стал ли ты заниматься какими-либо нечистыми делами?

Я попытался убедить родителей, что никакой «темной деятельностью» не занимаюсь, работаю радиоинженером в важном секретном научно-исследовательском центре, находящемся за городом; чтобы не тратить много времени на дорогу, живу там в общежитии. Однако я видел, мои слова не рассеяли сомнений у родителей.

Недели через две или три мне пришла мысль показать родителям карточку кандидата в члены партии, где было указано, с какой суммы плачу взносы. Так я и сделал. Записи в этом документе убедили их в том, что я веду честный образ жизни.

В школе училось всего десять слушателей – парни, мобилизованные в органы госбезопасности после окончания технических институтов.

Годичная программа включала изучение иностранных языков, спецдисциплин, отдельных аспектов истории ВКП(б), страноведения. Ежедневно шесть часов занятий. Обычно первые три урока отводились иностранным языкам. Пять слушателей изучали английский, трое – французский и двое – немецкий. Все начали с азов, ибо в технических вузах в то время иностранные языки преподавались крайне слабо.

В число специальных дисциплин входило освоение теории разведки для всей группы, а также радиододела для одной подгруппы и вопросов документации – приобретение и изготовление паспортов, метрических свидетельств, военных билетов, дипломов и тому подобное – для другой.

Основной метод обучения – беседы, проводившиеся сотрудниками разведки и контрразведки. На курс теории разведдела отводилось около 50 часов; освещались аспекты ухода от наружного наблюдения, вербовки, работы и организации связи с агентурой.

Я изучал радиододел: как самому собрать передатчик и приемник, а также вопросы организации и поддержания двусторонней радиосвязи. Много часов отводилось обучению работе на телеграфном ключе и приему на слух цифрового и буквенного текста по азбуке Морзе. Хотя ничего определенного нам не говорили, но мы понимали, что одна половина группы, в том числе я, готовилась на разведчиков-радиостов.

Начальником разведшколы был Владимир Харитонович Шармазаншвили. Его постоянное присутственное место находилось на Лубянке, но по мере необходимости он приезжал к нам. Воспитательная и организационная работа велась главным образом партгором группы – слушателем Владимиром Константиновичем Коняевым.

Это был интересный человек, лет на шестнадцать – восемнадцать старше остальных слушателей. Родился он в 1897 году, участвовал в Октябрьской революции и Гражданской войне, командовал кавалерийским подразделением. В 1939-м, когда его мобилизовали в органы госбезопасности, работал директором одной из самых больших московских типографий. Владимир Константинович был опытным специалистом в области типографского дела и получал приличную зарплату. В его распоряжении находилась персональная

служебная машина. Оказавшись в органах НКВД, он лишился всех привилегий, но никогда не жаловался на это. Так решила партия, и он беспрекословно подчинился.

Коняев много рассказывал нам поучительных историй из своей богатой событиями жизни. Мы его уважали и ласково прозвали «дедушкой». У «дедушки» был лишь один недостаток – забывчивость. Он долгое время не мог запомнить данный ему на курсах псевдоним «Колпаков», что иногда приводило к курьезным случаям.

Однажды мы все сидели в холле и слушали музыку. Вдруг появляется «дедушка» с очками на лбу и, держа какой-то список в руках, добродушным голосом, но вполне серьезно произносит:

– Вечно этот... Колпаков уплачивает партийные взносы последним и требует особого приглашения. Все сидящие взорвались громким хохотом. Он не понял, почему ребята смеются. И тогда один из слушателей сказал:

– «Дедушка», ведь Колпаков-то – это вы! Он схватился рукой за макушку и, сконфуженный, выбежал из холла...

Может показаться странным, но Коняев успешно работал в разведке. В конце 60-х он ушел в отставку и вскоре умер от рака.

В нашем маленьком коллективе процесс обучения, самостоятельная подготовка и воспитательная работа протекали в спокойной деловой обстановке, без суеты, без ненужных формальных собраний и заседаний.

В школе я все свободное время уделял учебе, особенно спецдисциплинам, английскому языку, литературе, истории и культуре Англии и США.

Из десяти слушателей, окончивших школу, в разведку взяли шестерых. Меня зачислили в американское отделение.

В 1940 г. закордонную разведку вел Пятый (иностраный) отдел, в котором имелись следующие немногочисленные региональные и функциональные отделения:

- три европейских;
- американское;
- дальневосточное;
- ближневосточное;
- информационно-аналитическое;
- оперативно-техническое;
- кадровое;
- финансовое;
- хозяйственное.

Всего в центральном аппарате разведки, включая секретарей и машинисток, работало не более ста двадцати человек. Начальником моего отделения был Федор Алексеевич Будков, спокойный человек лет сорока пяти, говоривший тихо, почти шепотом. Все отделение, кроме кабинета начальника, занимало одну комнату, где размещалось шесть-семь человек.

Не успел я как следует включиться в оперативную работу, как Будков привел меня к заместителю начальника разведки Максиму Борисовичу Прудникову. (С первых дней войны М. Б. Прудников добровольцем ушел в действующую армию. – *Прим. авт.*) После непродолжительной беседы он сказал:

– С кадрами, подходящими для укрепления резидентуры в США, у нас не густо. И вот мы решили направить вас в Нью-Йорк, хотя и понимаем, что вы еще недостаточно подготовлены для выполнения всех задач. Однако надеемся, что на месте, приложив максимум усилий, вы быстро войдете в курс дела, активизируете английский язык, изучите обстановку и включитесь в разведывательную работу.

В конце беседы Прудников упомянул, что на меня возлагается задача по установлению радиосвязи из Нью-Йорка с Москвой.

Тем временем я продолжал изучать оперативную обстановку в Нью-Йорке и в США в целом, занимался переводом на русский язык агентурных сообщений, печатал их на машинке. Всю эту работу выполнял под наблюдением и руководством только что возвратившегося из Соединенных Штатов нелегала Исхака Абдулловича Ахмерова. Татарин по национальности, он по-английски говорил лучше, чем по-русски, ибо, находясь в США в течение многих лет на нелегальном положении да еще имея жену англичанку, отвык от русской речи. Стройный брюнет лет сорока, с красивым восточным лицом, немного вздернутым носом и искрящимися подвижными глазами, он отличался приветливостью в отношениях с людьми и элегантностью в одежде.

Ахмерова я называл «ходячей энциклопедией». Он отвечал как на русском, так и на английском языке на любые мои вопросы, связанные с США. Все годы работы в разведке я с благодарностью вспоминал Ахмерова, который по-отечески заботливо готовил меня к разведывательной работе в Нью-Йорке...

Вторую половину рабочего дня я посвящал подготовке к организации двусторонней радиосвязи между Москвой и Нью-Йорком. Конечно, этот канал обеспечивали несколько подразделений Иностранного отдела. Передающий радицентр готовил аппаратуру и антенны, чтобы посылать мощные сигналы на США. Приемному центру предстояло принимать слабые сигналы моего маломощного передатчика из Нью-Йорка. Конструкторы и радиотехники создавали для меня специальный аппарат. Всю эту работу, включая также фотододел и изготовление документов, вело оперативно-техническое отделение, во главе которого стоял Алексей Алексеевич Максимов. (В первые дни войны ушел на фронт. Погиб в боях под Москвой. Посмертно награжден. – *Прим. авт.*)

Для меня была организована практика в радиобюро, откуда передавались и где принимались телеграммы из радиоточек, расположенных в некоторых странах Европы и Азии. Здесь работали подлинные радисты-асы. Вначале они проводили со мной тренировочные занятия по двусторонней связи, а затем стали разрешать «боевые» сеансы радиосвязи с корреспондентами, которые находились в соседних с СССР странах и чьи сигналы хорошо прослушивались. Я устанавливал с ними связь, принимал от них телеграммы и передавал им шифровки Центра. Постепенно мне стали доверять более сложные радиосеансы.

В октябре 1940 года меня направили на стажировку в американский отдел Наркомата иностранных дел, который находился тогда на углу Кузнецкого моста и улицы Дзержинского.

В то время существовала практика: отъезжающих в командировку принимал сам нарком иностранных дел. Весть о приеме Молотовым явилась для меня неожиданностью. Кроме меня пришли еще два дипломата.

Нарком меня спросил:

– Как же это вы так, голубчик, на холостом ходу? Мы ведь неженатых за границу не посылаем, тем более в США. Вам там сразу подберут красивую блондинку или брюнетку – и провокация готова. За меня заступился А. П. Власов, заведующий отделом кадров НКВД, заметив, что в советских учреждениях Нью-Йорка работают девушки и я смогу там жениться. Молотов сказал:

– Ну что ж, товарищ Феклисов, тогда поезжайте, работайте и не подводите нас.

После этого нарком стал говорить о важности задач, стоящих перед советскими дипломатами, особенно в США и Англии. Кратко рассказал о сложности международной обстановки и о том, что советское правительство делает все возможное, чтобы не позволить капиталистическим странам втянуть нашу Родину в разгоравшуюся войну. Подчеркнул, что точно такая же задача стоит и перед сотрудниками советских загранпредставительств. Они должны тщательно изучать взаимоотношения между главными капиталистическими странами. Основное внимание Молотов просил уделить выявлению тайных шагов Англии и

США по прекращению войны с фашистской Германией, заключению альянса, направленного против СССР.

Во время разговора Молотов расхаживал по кабинету. На нем были темно-сиреневый костюм-тройка из советской ткани «метро» и белая сорочка с галстуком. Свои мысли он излагал четко и энергично, время от времени жестикулируя руками. Признаков заикания не чувствовалось. Мне показалось, что нарком внешне в своей манере разговаривать с людьми сознательно или подсознательно копировал Ленина, причем такого, какого я знал по кинофильмам.

Моя подготовка к отъезду в командировку шла быстро.

Третьего января 1941 года Будков предупредил меня, что нужно как можно быстрее выезжать в Нью-Йорк. В НКВД заказали железнодорожные и пароходные билеты. Две недели ушли на сборы: получение паспорта, билетов на поезд Москва – Владивосток, инструктаж в ЦК ВКП(б) и сдачу партбилета, подгонку экипировки у портного; окончательную доработку плана-задания, прием руководством разведки.

Через океан

Поезд из Москвы во Владивосток отправлялся с Ярославского вокзала, как помню, в 16 часов. В день отъезда я на работу не пошел. Мать и отец не отходили от меня ни на шаг. Я сказал им, что меня командируют во Владивосток. За прощальным обедом разговор как-то не клеился, настроение у родителей было грустное, а у матери все время наворачивались слезы. Время от времени в квартиру заходили соседи по дому, чтобы сказать мне «до свидания», пожелать счастливой дороги, успеха на новом месте работы.

В два часа дня я тепло попрощался с плачущей мамой, с дедушкой, бабушкой и сестрами Тасей и Аней. Братья Борис и Геннадий работали. Отец решил проводить меня до заставы Ильича. Я шел с ним по заснеженному Двенадцатому Рабочему переулку и Рабочей улице. День стоял пасмурный. На отце были поношенная шапка-ушанка, старое зимнее пальто, неопределенного из-за своей изношенности цвета – не то серого, не то черного. Бороду и усы покрыл иней. Лицо осунувшееся, болезненное, только серые глаза, хотя и печальные, оставались лучистыми и живыми. Я был одет по-осеннему и во все новое: серая шляпа, черное пальто, темно-серый костюм, на ногах начищенные черные полуботинки, а на руках – черные кожаные перчатки. Наша одежда резко контрастировала, и я неожиданно заметил, что на это обращают внимание шедшие навстречу люди, среди которых были наши знакомые. Мне стало стыдно, что мой отец одет так худо. На мое замечание, что следует купить новые пальто и шапку, отец, убежденный в своей правоте, твердым голосом ответил:

– Что ты, сынок! Пальто и шапка еще хорошие, не рваные, и я поношу еще годика два-три. Разве можно такие хорошие вещи выбрасывать?

После этих слов я понял, что мои возражения и замечания не изменят образа жизни и привычек отца, устоявшихся за полвека.

После некоторого молчания отец начал озабоченно говорить о сложности международной обстановки, о возможном нападении Германии на нашу Родину. Когда я заметил, что между нашими странами существует договор о ненападении, отец убежденно возразил:

– Договор – это бумажка. Немцы коварные и вероломные. Я знаю, воевал против них. Они пойдут войной на нас. Так, разговаривая, мы дошли до заставы Ильича. Увидев, что приближается нужный мне трамвай, отец заторопился и произнес слова, запомнившиеся мне на всю жизнь:

– Работай, Шура, хорошо, чтобы мне с матерью не было стыдно за тебя. До свидания, сынок, может быть, больше не увидимся. Бойся немца, я его знаю.

Мы крепко обнялись и расцеловались. Поднявшись в почти пустой вагон, я встал на задней площадке. Трамвай сделал полукольцо на площади и, громя колесами, стал быстро набирать скорость, а я все смотрел через стекло на сиротливую, сгорбленную фигуру отца, медленно махавшего мне шапкой...

Слова отца при расставании оказались пророческими: через полгода Германия напала на Советский Союз, а в сентябре сорок второго отец умер, и мне его увидеть больше не пришлось.

Поезд до Владивостока шел почти 10 суток. В пути я вдоволь наигрался в шахматы и домино, прочитал две книги и отоспался. Наконец около полудня поезд прибыл на конечный пункт. Нас, ехавших в советские дипломатические представительства, встретил сотрудник НКВД. Шифровальщиков и меня поместили в небольшом охраняемом домике, где обычно останавливались дипкурьеры, и выдали талоны для разового питания в гостинице.

Во Владивостоке мы прожили пять дней, ожидая японский пароход, на котором прибыли в Цуругу – порт на западном побережье Страны восходящего солнца. Так я впервые попал за границу, да еще в такой экзотический край, как Япония.

Вице-консул утром напоил нас чаем, отвез на вокзал и отправил поездом в Иокогаму, откуда мы должны были пароходом отплыть в Сан-Франциско.

В Иокогаме нас разместили в солидной гостинице «Империял». Здесь нам пришлось впервые столкнуться с японской контрразведкой и службой наружного наблюдения. Всякий раз, когда сотрудники НКВД и я отправлялись в город, за нами в непосредственной близости следовали филеры пешком, на велосипедах или в автомашине. Однажды, когда мы гуляли по городу, к нам вдруг подошел японец и, приветливо кланяясь, сказал:

– Дальше идти нельзя, там находится военный объект.

Мы безропотно повернули обратно. Японец, продолжая улыбаться, в знак благодарности несколько раз поклонился. Был случай, когда у одного из нас ветром сдуло шляпу, наружник быстро ее поймал и с радостной миной возвратил владельцу.

В один из дней я решил поехать в посольство СССР в Токио, чтобы выяснить, что слышно о нашем отъезде. В вестибюле отеля перед выходом меня остановил привратник в форме и, коверкая русские слова, начал бессвязно говорить: «Корошая погода. Здравсте», стараясь задержать меня. Я все же выскочил на улицу, сел в такси и велел водителю отвезти меня на железнодорожную станцию. Привратник, вышедший на улицу вслед за мной, что-то сказал шоферу, и тот стал медлить с отъездом. Я попросил водителя трогаться. Таксист что-то отвечал по-японски, но машина с места не двигалась. Тогда я вышел и перебрался в другое такси, сев на заднее сиденье. Когда машина уже трогалась, к ней подбежал запыхавшийся японец, который прежде следил за нами, плюхнулся на сиденье рядом с водителем и, повернувшись ко мне, сказал по-английски:

– Мистер, я заплачу половину за проезд. Я ответил:

– О'кей.

Сотрудник «наружки» сопровождал меня на электричке и на автобусе до советского посольства. В консульском отделе я получил необходимые сведения, узнал, что завтра с уходящей диппочтой можно отправить домой письмо. Пообедав в посольской столовой, я направился обратно в «Империял». Тот же самый филер исправно следовал за мною.

После ужина я закрыл на ключ и на засов дверь, положил письма своих спутников в столик, стоявший перед окном, и лег спать. Около четырех часов утра я проснулся, услышав какой-то шорох. Непонятные звуки время от времени повторялись. Затем зашевелились гардины на окне. Я вскочил, откинул штору и увидел смеющуюся физиономию японца, стоявшего на лестнице. Под окном в летнем саду два других японца держали переносную лестницу. Поняв свою оплошность, они схватили лестницу и скрылись в темноте. Видимо, эти пришельцы намеревались выкрасть наши письма.

Утром я отвез почту в консульский отдел советского посольства в Токио.

Завтракать, обедать и ужинать в ресторан отеля мы все пять человек ходили вместе. В последний день перед отъездом утром я, как обычно, позвонил товарищам по внутреннему телефону и спросил, собрались ли они к завтраку. Едва мы сели за столик, как шифровальщик Миша вспомнил, что забыл загранпаспорта в номере под подушкой, и вместе с женой побежал исправлять ошибку. Вскоре жена вернулась и сказала, что они не могут найти документы. Это обстоятельство не на шутку встревожило нас: ведь без паспортов наши друзья не смогли бы попасть в США.

Мы пошли в их номер и увидели нашего товарища, который лихорадочно, видимо, уже в который раз, перерывал простыни, одеяло, а рядом стояла молоденькая японка. Оказалось, что, когда Михаил возвратился в номер, горничная находилась там, собираясь сменить постельное белье. Мы, естественно, стали выяснять, не обнаружила ли она случайно паспорта. На наши вопросы она мотала головой и односложно отвечала по-английски: «Нет, сэр». Николай, другой шифровальщик, считал, что документы взяла японка. Он предложил обыскать ее. И как только мы объявили ей об этом, она вдруг из внутреннего кармана кимоно

вынула паспорта и протянула нам. Потом женщина начала на прекрасном английском языке просить прощения и со слезами на глазах умолять, чтобы о случившемся мы не сообщали администрации, так как ее уволят, а у нее – ребенок. Говорила, что ее заставляют брать на время документы гостей. И, хотя мгновение назад все были страшно злы на горничную за ее поступок, мы как-то быстро остыли и вернулись в ресторан.

За семидневное пребывание в Иокогаме я получил наглядное представление, сколь активно действовала японская контрразведка против советских граждан. Все это рассеяло некоторые мои наивные представления и еще более утвердило во мне решимость во время предстоящей работы в США постоянно проявлять бдительность, чтобы не попасть в сети, расставленные службой контршпионажа.

Из Иокогамы на пассажирском пароходе «Явота мару» мы отплыли в Сан-Франциско с заходом в порт Гонолулу на гавайском острове Оаху. Плавание продолжалось около двенадцати дней. Николай и Михаил с женами получили отдельные каюты, а я попал в трехместную, вместе с двумя молодыми голландцами. Однако в ресторане мы сидели за одним столом, да и вообще большую часть дня проводили вместе.

«Явота мару» сделал тридцатичасовую остановку в Гонолулу на Гавайях. Пока шла выгрузка и погрузка товаров, пассажиров возили по острову Оаху на автобусах. Гиды показывали достопримечательности: мелькали главные улицы и площади города, ананасовые плантации и пальмовые рощи, знаменитый песчаный пляж Уайкики. С горы как на ладони был виден залив с военно-морской базой США Пёрл-Харбор, на которую японская авиация сделает через десять месяцев налет и выведет из строя десятка два американских военных кораблей.

В Сан-Франциско пароход прибыл в полдень. Через несколько минут после того, как спустили трап, на нас налетела стая корреспондентов и фоторепортеров. Защелкали затворы фотоаппаратов и раздались вопросы, типа: «Ну, большевики, расскажите, как вы догнали и перегнали передовые капиталистические страны?» И тут мы увидели группу бегущих к нам людей в рабочих спецовках, которые, коверкая русские слова, кричали: «Товарищи, не разговаривайте с продажными буржуазными писаками!» Они оттеснили журналистов, спросили, где наш багаж, затем, взяв чемоданы, спустились по трапу вместе с нами на пирс и подвели к встречавшему советскому вице-консулу Скорикову. От предложенной платы за услуги американские рабочие наотрез отказались. Позднее мы узнали, что в числе портовиков были те, кто в составе армии США высаживались в 1919–1920 годах во Владивостоке. Находясь в Советской России, они поняли, что их заставляют вести несправедливую войну, и с тех пор стали друзьями Советского Союза, членами профсоюза портовых рабочих, во главе которого долгое время был известный прогрессивный деятель Гарри Бриджес.

Небольшой эпизод в порту продемонстрировал, что и за океаном у Советского Союза есть верные друзья.

Скориков привез нас в здание вице-консульства, усадил за стол, расспрашивал о последних московских новостях, о делах в НКВД. Он проинструктировал, как следует вести себя во время предстоящей поездки по Соединенным Штатам, которые с Западного до Восточного побережья простирались на шесть тысяч километров.

Ехали в удобном и просторном вагоне: днем мы сидели в удобных вращающихся креслах, а вечером проводник сооружал спальные места, которые в два этажа шли вдоль вагона. Каждое место занавешивалось шторой из плотной темно-зеленой материи. Поездка продолжалась пять суток и позволила увидеть разнообразные ландшафты великой страны – горы, пустыни, степи, леса, озера и реки, большие города и крошечные сельские поселения, а главное – людей Америки.

К концу сорокадневного путешествия Москва – Нью-Йорк я уже почти перестал смотреть по сторонам и удивляться увиденному.

Тревожное накануне

Прежде чем начать рассказ о моей разведывательной работе, хотелось бы кратко изложить обстановку в Соединенных Штатах, где мне предстояло действовать, круг обязанностей в генеральном консульстве, характер взаимосвязей советских представительств с местными властями, отношение к Советскому Союзу различных слоев населения.

В Нью-Йорке меня встретил сотрудник генконсульства К. Г. Федосеев. Это учреждение находилось тогда на Шестьдесят первой улице в четырехэтажном доме. Соседний дом, в котором проживало несколько советских семей, также принадлежал консульству. В нем размещались столовая и класс для занятий английским языком.

По указанию генконсула мне предоставили комнатушку в здании советской школы на Восемьдесят седьмой улице. Сослуживцы помогли купить необходимые вещи домашнего обихода, и на третий день я уже вышел на работу.

Я был командирован в генеральное консульство стажером, без дипломатического паспорта. В первый же день меня принял генконсул В. А. Федюшин. Поинтересовался, как я добрался, не было ли в пути каких-либо происшествий, и расспросил о последних новостях в наркомате. В конце беседы Виктор Алексеевич распорядился, чтобы я принял дела от сотрудника консульства Федосеева, тут же вызвал его в кабинет и определил срок передачи.

В мои обязанности входила работа с командированными и постоянно проживающими на территории консульского округа советскими гражданами и командами моряков советских торговых судов, прибывающих в американские порты, а также разбор различных конфликтов и оказание консульской защиты советским гражданам, попавшим в непредвиденные ситуации. Я также оформлял выезд советских граждан из США, ставя в паспорте штамп с въездной визой в СССР.

В 1941 году в Соединенных Штатах находилось около ста двадцати постоянно проживавших советских граждан-эмигрантов, которые имели так называемый советский вид на жительство. По положению они должны были один раз в год приходить, в генконсульство, чтобы уплатить сбор за продление совзагранвида.

В течение первых месяцев выполнение перечисленных обязанностей не отнимало много времени: каждый день на прием приходили пять-семь посетителей.

После приезда в Нью-Йорк около двух месяцев меня в резидентуру не пускали. Я даже толком не знал, где она находится. Осваивал свои обязанности по прикрытию, усиленно изучал английский и, конечно, самым подробным образом знакомился с гигантским городом. Особое внимание уделял кинотеатрам в различных районах Нью-Йорка и всем видам городского транспорта. Первое время просмотр фильмов был не развлечением, а нелегким трудом. Из-за недостаточного знания английского языка приходилось напрягаться, чтобы понять происходивший на экране разговор. Как ни старался, я понимал максимум пятьдесят процентов слов. Но усиленная работа над языком, постоянное общение с американцами, ежедневное чтение газет, разговоры по телефону, слушание радиопередач постепенно расширяли словарный запас. Через четыре-пять месяцев я уже мог свободно разговаривать с местными жителями на бытовые и политические темы.

В апреле 1941 года меня принял исполнявший обязанности резидента П. П. Пастельняк, солидный мужчина лет сорока пяти. У него было мужественное, изрытое оспинами лицо с глубоко посаженными темными глазами. Человек он был сугубо военный: службу начал в пограничных войсках, а затем перешел на контрразведывательную работу. В 1938–1939 годах его назначили руководителем группы по обеспечению безопасности в советском павильоне на Всемирной выставке в Нью-Йорке. Английского языка он почти не знал. После

закрытия выставки его оставили в резидентуре. В апреле 1941 года он был назначен исполняющим обязанности резидента.

Будучи военным, Павел Пантелеймонович любил дисциплину, и прежде всего подчинение, или, как он изъяснялся, субординацию.

Пастельняк, просматривая мой план-задание, спросил:

– Цель командировки известна?

И, не дожидаясь ответа, зачитал известные мне задачи: установление двусторонней радиосвязи между резидентурой и Центром, выполнение разведывательных заданий по указанию резидента. Он выделил в мое распоряжение две небольшие нежилые комнатки на верхнем этаже консульства для размещения радиостанции. Здесь же предполагалось и мое жилище. Пастельняк приказал в трехдневный срок переехать сюда из здания школы, приступить к оборудованию радиоточки и ежедневно докладывать о проделанном.

Относительно разведывательной работы Пастельняк заявил, что перед тем, как передавать мне на связь агентов, он проверит мою пригодность на вспомогательных второстепенных делах: подборке официальных материалов по ФБР и тогдашнему главному разведоргану Вашингтона – Управлению стратегических служб (УСС), переводе на русский язык официальных и агентурных материалов, подыскании мест встреч с агентурой. Я должен был приобретать полезные для резидентуры связи, используя официальные возможности по прикрытию. До обеда мне полагалось вести прием посетителей, а в послеобеденное время и вечером – работать в резидентуре. В ее помещение Пастельняк посоветовал входить таким образом, чтобы этого никто из сотрудников НКВД, «чистых дипломатов», как мы их называли, не заметил.

Я приступил к выполнению своих задач в беспокойное время, в канун нападения гитлеровской Германии на нашу Родину. Еще в апреле 1941 года посол К. А. Уманский, выступая на совещании дипломатического состава генконсульства, заявил: «Гитлер опьянен успехами. В Европе нет державы, которая могла бы остановить фашистов. Гитлер готовится к нападению на СССР, и войны нам с Германией при всем желании, видимо, не избежать».

Точка зрения посла ошеломила меня и моих товарищей. Хотелось надеяться, что мрачное предсказание не сбудется.

А пока его прогноз сыграл мобилизующую роль для дипсостава.

Уманского справедливо считали человеком незаурядным. Он начал свою служебную деятельность журналистом, блестяще знал несколько иностранных языков. Перед войной нередко выступал в роли переводчика Сталина. Хорошо владел стенографией, печатал на пишущей машинке, был прекрасным оратором, умел четко излагать мысли, не прибегая к каким-либо запискам. Он сам много работал, подготавливая важные документы, и быстро решал вопросы. Будучи уверен в неизбежности войны с фашистской Германией, продолжал встречаться в Вашингтоне с немецким послом и старался выведать у него нужную информацию.

В тот период отношения между СССР и США были крайне плохими. Американская пропаганда в газетах, журналах и по радио без конца лживо утверждала, что Советский Союз – друг гитлеровской Германии и поэтому подписал пакт о ненападении. И замалчивала тот факт, что Москва была вынуждена пойти на это вследствие двуличной политики правящих кругов Англии и Франции, толкавших нацистов к нападению на СССР. Конгресс Соединенных Штатов принимал законы, согласно которым свертывались экономические и торговые отношения с Москвой. Некоторые компании прекратили поставку ранее заказанного технического оборудования, а правительство США предложило сопосольству отозвать всех своих приемщиков. Торговля между странами фактически прекратилась. Число командированных советских граждан в Соединенных Штатах с каждым днем сокращалось. Американская контрразведка активно разрабатывала почти поголовно советских граждан: вела за

ними слежку, прослушивала телефоны, подставляла агентов-provokаторов. В феврале 1941 года был арестован сотрудник военно-морского атташата СССР, а в апреле – наш резидент Гайк Бадалович Овакимян.

Лукавая политика союзников и кое-что об эмиграции

Хотя после выступления посла К. А. Уманского мы допускали возможность нападения фашистской Германии на нашу Родину, тем не менее война для нас, как и для всех советских граждан, началась неожиданно.

В субботу 21 июня 1941 г. я лег спать в полночь. В воскресенье в семь часов утра дежурный по генконсульству разбудил меня и сообщил: Гитлер развязал против нас войну. Я не сразу осознал смысл этих слов. Включил приемник. Все радиостанции мира только и передавали сообщение о нападении немцев на СССР, о начавшихся жестоких боях.

Когда я спустился вниз, сотрудники генконсульства были на своих рабочих местах. Между собой почти не разговаривали. К нам без конца звонили по телефону и приходили американские корреспонденты. Однако никаких интервью мы не давали.

Генконсул Федюшин провел совещание, где объявил, что мы находимся на военном положении, и потребовал строжайшей дисциплины.

Через три дня состоялось собрание сотрудников генконсульства, на котором решили в зависимости от состава семьи добровольно отчислять двадцать пять – сорок процентов зарплаты в фонд победы над фашистской Германией.

До 22 июня правящие круги США, как я уже отмечал, относились к Советскому Союзу враждебно. В прессе и по радио постоянно велась антисоветская пропаганда. Среди американцев было много выходцев из Германии. В стране действовали около двадцати немецких консульств, массовая организация «Немецкий бунд», в которую входили влиятельные личности, в том числе некоторые члены конгресса. На митинги этой организации собиралось по двадцать – тридцать тысяч человек. В США издавалось много профашистской и откровенно фашистской периодики, книг; работали кинотеатры, где шли исключительно германские кинофильмы, в том числе документальные ленты о выступлениях фюрера и военная хроника, прославлявшая блицкриг. Профашистские организации действовали до декабря 1941 г. – дня начала войны между Германией и США.

Правда, когда гитлеровцы напали на Советский Союз, реакция правящих и монополистических кругов была неоднозначной. Какая-то часть приветствовала агрессию, хотя редко кто делал это открыто. Прогитлеровски настроенными оказались автомобильный король Генри Форд, мультимиллионер Джозеф Кеннеди, отец будущего президента Джона Кеннеди, другие миллионеры, которые имели большие интересы в самой Германии и странах, оккупированных Гитлером. К этим враждебным силам примыкали монополисты, желавшие, чтобы СССР и Германия обескровили друг друга, а затем США и Англия уничтожили бы советскую державу. Среди них был и влиятельный сенатор, позднее ставший президентом США, Гарри Трумэн, который 23 июня 1941 года во всеуслышание объявил сокровенные цели этих кругов: если они увидят, что выигрывает Германия, то следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то следует помогать Германии, и, таким образом, пусть немцы и русские убивают друг друга как можно больше.

Еще в более циничной форме заявление Трумэна представила реакционная газета «Нью-Йорк дейли ньюс», выходившая многомиллионным тиражом. На своих страницах она изобразила Советский Союз и гитлеровскую Германию в виде двух змей, образовавших клубок и пожирающих друг друга. Под рисунком стояла надпись: «Не мешай им съесть друг друга».

Существование в США и Англии влиятельных прогитлеровских и антисоветских группировок дало основание личному советнику президента Ф. Д. Рузвельта Гарри Гопкинсу

написать: «Поразительно много людей, не желающих помогать России и не способных усвоить своими тупыми головами стратегическое значение советско-германского фронта».

Среди правящих кругов США находились и люди с умеренно либеральными взглядами, во главе которых стоял президент Рузвельт. Они понимали необходимость и важность союза с СССР в борьбе за победу над странами фашистского блока. Рузвельт неоднократно заявлял, что он не всемогущ, что проводит политику, которая, по его словам, являлась «равнодействующей всей системы политических сил в США», но точку ее приложения он сдвигал чуть-чуть влево. В целом политика американского президента при существовавшей расстановке политических сил в США была благожелательной в отношении Советского Союза.

В большинстве своем простые американцы, как и народы других стран, с первых дней войны относились к СССР с сочувствием. Однако и среди них встречались такие, кто под влиянием многолетней антисоветской пропаганды и угрозы безработицы не проявлял симпатий к борьбе советского народа против фашизма. Могу привести один из многих фактов, подтверждавших это.

Весной 1942 года я пришел на советское торговое судно. Капитан пожаловался, что американские рабочие медленно выполняют ремонтные работы, и указал на группу парней, которые, вместо того чтобы трудиться, загорали на палубе. Я обратился к ним, призывая поскорее отремонтировать корабль. Сказал о том, что в Советском Союзе люди проливают кровь в борьбе с нашим общим врагом – Гитлером. Один из бездельников прошипел:

– Вы что, хотите, чтобы мы быстро закончили ремонт, а потом снова сидели на скамейке в Центральном парке без работы?

Капитан и я разъяснили, что сейчас другое время, работы у них будет много. Говорили, что если мы быстро не покончим с Гитлером, то некоторых из них призовут в армию и пошлют на фронт. Выслушав все это, загоравшие встали и нехотя поплелись к своим рабочим местам.

Прогрессивные организации проводили митинги, на которых присутствовало большое число американцев. Выступавшие требовали открытия второго фронта против Гитлера.

В США была создана организация «Рашн уор релиф» – «Комитет помощи русским в войне», во главе которой правительство поставило своих надежных людей, чтобы они направляли ее деятельность по чисто благотворительному руслу и не давали встать на просоветские позиции. На собранные деньги «Рашн уор релиф» приобретала и направляла Красной Армии, советскому народу лекарства, медицинские препараты и аппаратуру, продукты питания, одежду. Всего за время войны Советскому Союзу была оказана помощь на сумму более полутора миллиардов долларов.

С конца 1941 года США начали поставки в СССР по ленд-лизу, продолжавшиеся до сентября 1945 года. Их общая стоимость составила девять с половиной миллиардов долларов, тогда как другим своим союзникам американцы оказали такую помощь более чем на тридцать шесть миллиардов. В Советский Союз поставлялись самолеты-истребители; фронтовые бомбардировщики, имеющие небольшой радиус действия; танки, орудия; транспортные средства; продовольствие, одежда, обувь и некоторые другие товары. Эти поставки, конечно же, оказали помощь СССР в борьбе с фашистскими агрессорами, но отнюдь не повлияли существенным образом на исход борьбы на советско-германском фронте. Поставки по ленд-лизу, вместе с британскими и канадскими, составили около четырех процентов советского промышленного производства в военные годы (Дипломатический словарь, том 2, изд. «Наука», 1986 г., стр. 139. – *Прим. авт.*).

Из добытых нашей разведкой секретных документов явствовало, что руководители США и Англии тайно договорились о том, чтобы оказывать Советскому Союзу помощь материалами и некоторой военной техникой, пригодными лишь для оборонительных операций. Под различными предлогами союзники отказывали СССР в поставке наступательного

и новейшего оружия – бомбардировщиков дальнего действия, автомашин-тягачей для тяжелой артиллерии, радиотехнических устройств и тому подобного. Я сам был очевидцем, как на пирс прибыла партия автомашин грузоподъемностью в двенадцать тонн и американские военные представители запретили ее грузить на советские пароходы, заявляя, что машины, дескать, привезли сюда ошибочно.

В конце 1942 года в США прилетела через Аляску группа наших известных летчиков во главе с Героем Советского Союза М. М. Громовым, чтобы получить и перебазировать в СССР обещанные двадцать стратегических бомбардировщиков. Однако американская сторона отказалась выполнить данное ранее обещание, выдвинув ряд надуманных предлогов.

Известно также, что, несмотря на имевшуюся официальную договоренность между союзниками не вступать в отдельные переговоры с представителями гитлеровской Германии, США и Англия через представителей своих разведок, по крайней мере с конца 1943 года, начали устанавливать контакты в Швейцарии, Швеции и других странах с представителями фашистской Германии.

Это еще один штрих к политике наших союзников в ходе Второй мировой войны.

Мне хорошо запомнился прилет в США в первых числах июля 1942 года народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова. Вначале он на сутки остановился в Нью-Йорке, где жил в здании генконсульства. Его сопровождали лишь помощник и ответственный сотрудник нашей разведслужбы К. М. Кукин. Никакой специальной охраны с ним не было.

За несколько часов до прибытия Молотова вице-консул П. П. Пастельняк собрал молодых консульских работников и поручил им охранять здание. Он расставил посты, объявил расписание дежурств. В конце инструктажа кто-то спросил:

– Каким образом и чем мы будем защищать наркома в случае нападения местных фашистов на генконсульство? Помолчав, П. П. Пастельняк серьезно ответил:

– Защищать нужно будет грудью. На этом инструктаж завершился. Днем Молотов знакомился со специально подготовленными для него материалами, беседовал с генконсулом Е. Д. Киселевым, резидентом В. М. Зарубиным и председателем советской закупочной комиссии, а ночным поездом в купированном вагоне выехал в Вашингтон. В столице он несколько раз встречался с президентом Ф. Д. Рузвельтом и ответственными представителями его администрации. Затем возвратился в Нью-Йорк и оттуда вылетел в СССР.

В день отлета в десять часов утра нарком встретился с сотрудниками генконсульства. В зале для приемов мы образовали круг, в центре которого стоял Молотов. В общих чертах он рассказал о международной обстановке, обрисовал положение на фронтах и сформулировал новые задачи. Затем стал отвечать на вопросы. Я, по своей дипломатической неопытности, задал вопрос:

– Ожидается ли улучшение отношений США с СССР после ваших бесед в Вашингтоне?

Молотов пристально посмотрел на меня. Его взгляд был холодным, жестким. И тут я почувствовал легкий шлепок по спине. Это Зарубин предупреждал: не задавай, мол, бестактных вопросов. Но было поздно.

– А как вы думаете, зачем я приехал в Вашингтон? – резко отреагировал Молотов.

– Не знаю, – тихо, упавшим голосом ответил я. Воцарилась напряженная тишина. Но нарком прервал затянувшуюся паузу. Сославшись на Рузвельта, он сказал, что США никак не могут оправиться от предательского удара японцев по Пёрл-Харбору. Американские и английские вооруженные силы пока терпят поражение в сражениях на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. Вашингтон предпринимает все возможное, чтобы переломить ход японо-американской войны, мобилизует людские ресурсы, быстро наращивает военное производство. Больших поставок требует Великобритания. Тем не менее Рузвельт и его сто-

ронники понимают, что судьба Второй мировой войны решается на советско-германском фронте. Поэтому США будут увеличивать масштабы поставок по ленд-лизу, несмотря на то, что в стране имеются влиятельные круги, выступающие против этого. Была достигнута договоренность о том, что США в первую очередь пошлют те материалы и оборудование, в которых Советский Союз нуждается острее всего.

Через три часа Молотов военным самолетом вылетел через Восточную Канаду и Гренландию в Англию, откуда, после переговоров с Черчиллем, ему предстоял очень опасный перелет на советском самолете через линию фронта в Москву.

Вскоре стало известно, что на встрече с сотрудниками генконсульства в Нью-Йорке Молотов почему-то скрыл от нас, что в ходе переговоров в Вашингтоне президент Рузвельт дважды подтвердил наркому свое обещание открыть второй фронт в 1942 году, а начальник штаба сухопутных сил Дж. Маршалл заверил его о наличии у США достаточных возможностей для этого.

12 июля 1942 г. было опубликовано официальное коммюнике о завершившемся визите Молотова в США. В нем указывалось, что сторонами «была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году».

Британское правительство также подписало англо-советское соглашение с аналогичной формулировкой по этому вопросу. Одновременно Черчилль направил Сталину секретную памятную записку, в которой сообщал, что открытие второго фронта в Европе в указанные сроки будет разумным только при благоприятных условиях. Эта записка, как показали дальнейшие события, явилась очередным лукавым ходом Черчилля в отношении Советского Союза.

13 июля 1942 г. был опубликован текст советско-американского соглашения. Газета «Правда» в передовой статье писала: «...1942 год должен стать годом окончательного разгрома гитлеровских полчищ...» Известие о полной договоренности с Англией и США об открытии второго фронта в Европе вселяло надежду на быстрый конец войны.

Но радость была преждевременной. Правящие круги Великобритании и Соединенных Штатов не сдержали союзнического слова. Черчилль в своих письмах и при личной встрече со Сталиным в августе 1942 года выдвигал много надуманных причин о невозможности открыть второй фронт в 1942 году. В присутствии официального представителя США А. Гарримана Черчилль заявил, что широкое вторжение на Европейский континент Англия и США начнут весной 1943 года. И снова наши союзники не выполнили своего обещания. Они высадили войска в Нормандии лишь 6 июня 1944 г. – через три года после нападения фашистской Германии на СССР, когда исход войны был уже предрешен.

Смысл затягивания создания второго фронта теперь стал абсолютно ясен из опубликованных недавно архивных документов. Он состоял в том, что правящие круги США и Англии преследовали в войне и такую цель – обескровить СССР в его единоборстве с Германией и ее сателлитами, чтобы затем навязать свою волю как обессиленным участникам войны – советскому государству и фашистскому рейху, так и всему миру.

Война заставила советских граждан трудиться гораздо больше, чем в мирное время. В том числе и нас, сотрудников нью-йоркской резидентуры. Сейчас я удивляюсь, как мы могли справляться со значительно возросшим объемом обязанностей. Спрашиваю себя: «Что помогало нам выполнять их?» Несомненно, это было возможно прежде всего благодаря осознанию огромной ответственности и пониманию того, что своей активной работой мы будем содействовать победе. Разум и совесть подсказывали, что мы должны прилагать максимум усилий, духовных и физических, чтобы выполнять задания Центра оперативно, четко, проявляя инициативу, творческий подход, старание и сноровку.

Сотрудники резидентуры трудились по шестнадцать – восемнадцать часов в сутки. Жизнь состояла из работы и сна. Стыдно было много отдыхать, когда на Родине шла непре-

рывная битва не на жизнь, а на смерть. По указанию резидента я, как и другие товарищи, много занимался обеспечением отправки грузов в СССР, а также безопасности советских командированных граждан и моряков. Учитывая, что этот участок являлся надежным прикрытием моей разведывательной деятельности и имел большое значение для пополнения моего политического, оперативного и жизненного опыта, я расскажу об этом периоде чуть подробнее.

После вступления США в войну и начала поставок по ленд-лизу торгово-экономические связи с СССР начали быстро расширяться. В Соединенные Штаты стали приезжать советские специалисты по приемке военного снаряжения, промышленного оборудования и товаров. Среди них встречались и те, кто всего лишь шесть – восемь месяцев назад уехали отсюда, когда свергывались торговые отношения. Это были великолепные знатоки своего дела, владевшие английским языком, прекрасно изучившие местные условия. К 1944 году в советской закупочной комиссии и Амторге (Амторг – акционерное общество, учрежденное в 1924 году в Нью-Йорке; комиссионер – поставщик экспорта советских товаров в США и импорта американских товаров в СССР) в Нью-Йорке работало около двух с половиной тысяч человек, да еще столько же в Вашингтоне, где размещался руководящий аппарат комиссии.

Консульской работы с этой категорией советских людей было много. Каждый день приходили на прием десять – двадцать человек.

Важный участок – обслуживание советских торговых судов. На Восточном побережье в 1942–1945 годах их всегда находилось от пяти до двадцати. Некоторые, нуждавшиеся в большом ремонте, стояли по три-пять недель. На каждый пароход после его прибытия приходил представитель генконсульства, чтобы ознакомиться с положением на нем, проверить, в порядке ли мореходные книжки у команды и судовая документация. В первую очередь выясняли, нет ли среди моряков больных, чтобы в случае надобности оказать им медицинскую помощь, поднять их настроение.

Представители генконсульства выступали перед моряками с докладами о международном положении, рассказывали о положении на фронтах, политической обстановке в США, советско-американских отношениях. Моряки задавали массу вопросов, поскольку во время многодневного плавания они фактически были оторваны от всего мира. Их особенно интересовала информация о военных действиях, чем объясняется задержка открытия второго фронта. Мы рассказывали о борьбе советских людей, о том, что в мире растет международная поддержка СССР, и призывали моряков работой на совесть помочь Родине и приблизить день победы над врагом. Такие выступления поднимали моральный дух моряков, учили их разбираться в сложной и не особенно искренней дипломатии Лондона и Вашингтона.

В войну на торговых судах плавало немало моряков со слабым здоровьем, которых в мирное время не выпустили бы в рейс. Но они держались стойко, трудились изо всех сил, не жаловались на болезни. Бывали случаи и тяжелых заболеваний, в том числе психических. Таких пациентов отправляли в американские больницы. Помню, как однажды с группой моряков и представителями закупочной комиссии и Амторга я присутствовал на кремации умершего советского моряка. Когда печальный ритуал закончился, к нам подошел владелец крематория и с серьезным выражением на лице по-деловому сказал: «Большое вам спасибо, пожалуйста, приходите опять». Эти слова резанули слух, но никто ничего ему не ответил. Мы безмолвно вышли за ворота этого малоприятного учреждения. Уже в автобусе представитель Амторга, много лет проработавший в США, сказал:

– Этот хозяйчик говорит такое всем живым, оказавшимся в его заведении. Его можно понять: у него конкуренция, а бизнес есть бизнес.

Многие советские моряки были свидетелями событий, происходивших в нашей стране, кое-что знали о ходе боев. Поэтому корреспонденты американских газет, журналов

и радиокompаний стремились взять у них интервью и получить информацию из первых рук. Моряков приглашали на вечера в русские, украинские и другие эмигрантские организации, а также в американские семьи.

Посольство считало такого рода представительско-пропагандистскую работу политически важной и придавало ей должное значение. Генеральный консул поручил мне заняться этим участком, предупредив, чтобы я организовывал встречи только с такими представителями прессы и общественности, которые освещали бы нашу политику в благоприятном духе, и чтобы для этой цели подбирались кандидаты среди советских моряков, которые могли бы достойно представлять советский народ. В предварительных беседах с журналистами, которые обращались ко мне за разрешением поговорить с моряками, я прямо заявлял, что если они напишут объективные статьи, без антисоветских комментариев, то устрою им встречу. В противном случае, извините, ничего не выйдет.

Как правило, журналисты соглашались с таким условием. Обычно они брали интервью у моряков в моем присутствии, и я нередко выступал в роли переводчика. Опыт показал, что такие встречи были очень полезными, так как ребята простым языком, правдиво, в доходчивой форме и с конкретными примерами рассказывали о героической борьбе Красной Армии, о том, на какие жертвы идет наш народ, чтобы одержать победу над общим врагом. Они прямо, без дипломатических выкрутасов, заявляли корреспондентам, а следовательно, через их издания многим миллионам жителей США, что никакая помощь не может заменить второй фронт в Европе.

Очень успешно выступала и давала интервью американским журналистам штурман парохода «Двина» Валентина Орликова, миниатюрная, стройная женщина, всегда одетая в чистую, хорошо отглаженную форму. У нее были темно-русые волосы и выразительные глаза, речь ее отличалась искренностью и какой-то задушевностью, что сразу подкупало собеседника. От всего ее внешнего облика и манер веяло изяществом и женственностью, хотя она постоянно вращалась среди мужчин, занимавшихся тяжелым физическим трудом. Какие бы каверзные вопросы ни задавали ей корреспонденты, она всегда спокойным тоном давала обстоятельные, четкие ответы. При этом не изображала из себя всезнайку и, если чего не ведала, откровенно признавалась.

Во время первого интервью ей задали такой вопрос:

– Как вам, маленькой женщине, удастся командовать мужчинами?

Она очень толково объяснила, в чем состояли ее обязанности. Привела пример, как пришлось маневрировать во время первой в ее жизни атаки фашистской подводной лодки, как она смотрела на приближающуюся торпеду, как увела судно от нее.

– Страх не чувствовала, – говорила Валентина, – было огромное напряжение. Зажмурилась. Считала до пятнадцати. Пронесло.

А слушают ее подчиненные потому, что понимают: от того, как четко выполняют распоряжения, зависит судьба парохода и всех людей на нем.

В конце полуторачасового интервью, во время которого Валентина блестяще ответила на все вопросы, один из корреспондентов пробасил:

– Теперь до меня дошло, почему моряки исполняют все ваши команды.

Муж Орликовой плавал вторым помощником капитана на другом судне. Судьба сводила их очень редко. За время войны ее пароход трижды приходил в США, и каждый раз корреспонденты стремились побеседовать с отважной женщиной. Валентина Орликова после войны стала капитаном дальнего плавания, служила на рыболовецком флоте Мурманска. Ей присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Торговые суда в войну были вооружены, на них стояли счетверенные зенитные пулеметы, пушки, а также орудия для стрельбы по вражеским подводным лодкам и надводным кораблям.

В военные годы плавать в Атлантике между США и Мурманском было очень опасно – равносильно участию в боевых действиях на фронте, только сражения происходили не на суше, а на безбрежных океанских просторах. Чтобы не допустить прибытия военных грузов в Мурманск и Архангельск, Гитлер выделил для уничтожения союзных торговых судов, направляющихся в эти порты, подводные лодки, надводные корабли и пикирующие бомбардировщики. Эти силы находились на военно-морских базах и аэродромах Норвегии. Подводные лодки в так называемых «волчьих стаях» располагались на путях следования советских и союзных торговых судов.

Получив сведения от своих разведок (военно-морской и военно-воздушной) о движении союзнических судов, фашистское командование направляло на их уничтожение «волчьих стаи», пикирующие бомбардировщики, а иногда надводные военные корабли. Морские сражения обычно происходили в районе между Исландией и Мурманском, около Медвежьих островов.

На всю жизнь врезалась в мою память картина отправки в апреле 1942 года из порта в штате Нью-Джерси нашего теплохода «Старый большевик». На мостике стоял капитан Иван Иванович Афанасьев, бывалый морской волк, лет пятидесяти пяти – шестидесяти, среднего роста, подтянутый, жилистый, всегда ходивший в чистой наглаженной морской форме. Лицо у него было продолговатое, морщинистое, кожа темная от загара, обветренная, волосы светлые и редкие. В своих движениях, как и в решениях, он был нетороплив, говорил тихим уверенным голосом. За свои профессиональные знания и хорошие человеческие качества капитан пользовался авторитетом у команды.

В этот раз трюмы «Старого большевика» заполнили взрывчаткой, на палубе закрепили фюзеляжи и крылья американских истребителей, зачехленные брезентом. Корабль загрузили до отказа. Наверху остались небольшие проходы, через которые мы протискивались лишь поодиночке, а свободные места были только вокруг зенитных орудий и пушек. В беседе с представителем Амторга Лузановым и со мною Иван Иванович сказал:

– Это не корабль, а пороховая бочка. Не дай Бог, если во время фашистского нападения снаряд попадет в трюмы – мы сразу взлетим на воздух.

Капитан, видимо, предчувствовал, что рейс будет очень трудным. И не ошибся. Команде «Старого большевика» пришлось выдержать жесточайший бой с подводными лодками и пикирующими бомбардировщиками. Героический подвиг советского судна подробно описан в романе В. Пикуля «Реквием по конвою PQ—17».

В Нью-Йорке мне посчастливилось встречаться с представителями еще одной категории советских людей, которые в годы войны проявляли поражающие человеческое воображение смелость, мужество и хладнокровие на водных просторах Атлантики. Это были офицеры советского военно-морского флота, прибывавшие в США за быстроходными морскими катерами-охотниками. Маленькие корабли развивали по тем временам колоссальную скорость – до пятидесяти узлов. Они не предназначались для дальних переходов. Тем не менее наши моряки взялись перегонять их из США в Мурманск своим ходом. Американцы, узнав об этом, вначале просто не поверили. В их головах никак не укладывалось, как может такой кораблик пересечь Атлантический океан и дойти до Мурманска, преодолев более пяти тысяч миль.

По просьбе наших моряков американцы ставили на катера дополнительные баки для горячего и станковые пулеметы. Команда состояла из четырех-пяти человек. Даже в порту, где нет больших волн, катера так раскачивались во все стороны, что матросам приходилось, как циркачам, постоянно балансировать, чтобы не упасть. Сделав необходимые запасы провианта, катера группами в шесть-восемь единиц отправлялись в рейс и летели, как чайки, едва касаясь волн. Они делали стоянки на Ньюфаундленде, в Исландии, Северной Ирландии и прибывали в Мурманск иногда в составе конвоя, идущего из Англии.

Когда мы провожали катера вместе с представителями ВМС США, последние, глядя на уходившие в океан кораблики, качали головой и признавались:

– Камикадзе! Ни один американский моряк не отважится на такой переход.

Немало времени в моей работе занимал прием постоянно проживающих в США советских граждан. Это были очень разные люди как по своему социальному положению, так и по тому, каким образом их занесло в США. Хотя они, имея совзагранвизы, формально считались советскими гражданами, НКВД СССР отказывался удовлетворить их неоднократные ходатайства о возвращении на Родину. Многие из соотечественников принадлежали к так называемой экономической, или дореволюционной, эмиграции. Они приехали в США из царской России на заработки, в поисках работы, а впоследствии по разным причинам так и не смогли возвратиться домой. Являясь истинными патриотами, живя надеждой все же вернуться на Родину, они не принимали американского гражданства, несмотря на то, что советский паспорт доставлял им массу трудностей и неприятностей: американские власти относились к ним с подозрением, на работу в правительственные и другие солидные учреждения их не брали; они подвергались гонениям со стороны реакционных элементов.

Среди постоянно проживающих в США советских граждан были представители творческой интеллигенции – музыканты, художники, актеры. Они выехали из Советского Союза в 20–30-е гг. Десятка два человек из числа имеющих совзагранвизы приехали в США накануне войны и даже в течение первого военного года. Это люди, бежавшие от захвативших Западную Европу фашистов. Одна семья, например, проживала в Австрии, но когда страну оккупировали гитлеровские войска, перебралась во Францию. Немцы вторглись и туда. Тогда семья бежала через Испанию и Португалию в Северную Африку, а оттуда с помощью родственников перебралась в Америку.

Несмотря на то, что большинство постоянно проживавших в США советских граждан не могли найти хорошо оплачиваемую работу, они регулярно вносили не только взносы за продление совзагранвидов, но и делали посильные пожертвования в фонд помощи Красной Армии. Лишь некоторые из них сумели добиться разрешения поехать в Советский Союз добровольцами, чтобы участвовать в борьбе с врагом, – большинству наше правительство отказало. Я знаю три случая, когда взрослым детям эмигрантов, не желавшим воевать в рядах армии США, было разрешено вернуться в Советский Союз и они на торговых советских судах покинули Соединенные Штаты.

Американцы обычно вносили свои пожертвования в фонд помощи советскому народу через упомянутую мной организацию «Рашн уор релиф». Однако постоянно проживающие за океаном советские граждане и некоторые выходцы из Советского Союза предпочитали приносить пожертвования лично в генконсульство, где им выдавалась официальная квитанция о сдаче денег, которую они берегли как символ своего патриотизма и с гордостью показывали друзьям.

Очень трогательно было наблюдать, как уже состарившиеся соотечественники, выехавшие из России до Октябрьской революции, регулярно приносили деньги в генконсульство, порою с трудом выкраивая их из пенсии, и старались поговорить с советскими представителями. В беседах рассказывали, как тяжело они переживают свалившееся на нашу Родину несчастье, отступление войск, гибель солдат и гражданского населения. Некоторые были выходцами из районов, оккупированных фашистами. Особенно трудно и больно было разговаривать с такими соотечественниками в первый период войны, когда фашисты быстро продвигались в глубь нашей страны – к Москве, Ленинграду, Сталинграду. Они с болью и надеждой спрашивали, когда же будет остановлено продвижение немцев, когда же начнут изгонять врагов с родной земли. Мало успокаивающего могли мы тогда сказать соотечественникам. Объясняли отступление внезапным нападением немцев, тем, что против Советского Союза брошена вся мощь военной машины Германии, Италии, Румынии,

Венгрии, Финляндии, используется весь промышленный потенциал Западной Европы. Говорили, что враг будет измотан, остановлен и разбит. Возможно, они и не очень-то верили нашим словам, но все же благодарили нас за то, что мы душевно поговорили и теперь они чувствуют облегчение. А некоторые доверчиво добавляли:

– Вы поймите меня, ведь мне не с кем поговорить – дети стали американцами, а вокруг нас живет так много антисоветчиков, они злорадствуют, что Красная Армия отступает. Мне очень тяжело.

Помню, как в середине октября 1941 года в генконсульство в очередной раз принес деньги в фонд помощи Красной Армии пожилой русский мужчина. В беседе со мною он стал выражать опасение, не захватят ли фашисты Москву. На глазах у него навертывались слезы. Он их то и дело вытирал платком и говорил прерывистым, дрожащим голосом. Ругал союзников за предательскую политику пассивного выжидания. Я его успокаивал как мог, хотя у самого на душе кошки скребли. В конце беседы земляк встал и сказал:

– После разговора с вами у меня как будто немного отлегло от сердца. Два дня я чувствовал себя плохо и не ходил на работу. Сейчас пойду.

Перед Великой Отечественной войной в США насчитывалось множество эмигрантских организаций, издававших более ста газет на украинском, литовском, русском, армянском и других языках народов СССР. Часть этих организаций и их печатных органов были просоветскими, но большинство – против Москвы. Успешную работу по украинской и литовской эмиграции, весьма многочисленной и организованной, вели Пастельняк и представитель Литовской ССР Павелас Ратомскис. (После войны П. Ратомскис был министром иностранных дел Литовской ССР. – *Прим. авт.*) Они часто встречались с руководителями прогрессивных организаций и снабжали их материалами для печати.

Менее организованная русская эмиграция имела в Нью-Йорке два клуба и издавала три газеты. Прогрессивная эмиграция, состоявшая главным образом из трудового люда, объединялась вокруг газеты «Русский голос», которая поддерживала политику Советского Союза. Интеллигенция – писатели, художники, актеры – группировалась вокруг газеты «Новое русское слово», которая имела широкий круг читателей, так как на ее страницах помещались интересные материалы об истории России, ее литературе, искусстве. В мирное время газета имела устойчивую антисоветскую направленность. В годы войны стала перепечатывать некоторые статьи и сообщения из советской периодики, а также публиковала комментарии собственных корреспондентов в духе сочувствия советскому народу, патриотизма и ненависти к гитлеровской Германии. Газета даже проводила кампанию по сбору средств в помощь Красной Армии.

Только монархистская группа Рыбакова, издававшая газету «Россия», да русские фашисты – серебряно-рубашечники – во главе со своим «фюрером» Вонсяцким без каких-либо изменений продолжали антисоветскую линию и ратовали за поражение Советского Союза в войне. Американские органы правопорядка таким организациям никаких препятствий не чинили.

Однако большая часть эмиграции в эти тяжелые для нашей Родины годы относилась к Советскому Союзу, Красной Армии с сочувствием. Но не все лояльные по отношению к своей Родине эмигранты из Советского Союза набирались мужества, чтобы открыто прийти в наше представительство и сделать пожертвования. Особенно трудно было тем, кто занимал определенное положение в США. Некоторые боялись последствий и поэтому оказывали помощь Родине тайно.

Всемирно известный композитор, дирижер и пианист Сергей Васильевич Рахманинов несколько раз передавал в генконсульство часть сборов от своих концертов через доверенное лицо. Вместе с деньгами посредник сообщал генконсулу заверения композитора в его искренней преданности и любви к Родине.

В первый год войны наш генеральный консул в Нью-Йорке Евгений Дмитриевич Киселев, большой любитель музыки, установил добрые отношения с деятелями культуры из представителей русской и европейской эмиграции. Он не раз устраивал для них скромные приемы. Среди тех, кто, демонстрируя свою поддержку Советскому Союзу, приходил на такие вечера, были всемирно известные дирижеры Артуро Тосканини и Бруно Вальтер, русский композитор Александр Тихонович Гречанинов и советский гражданин Николай Андреевич Малько, бывший главный дирижер Мариинского театра в Петрограде. Иногда на этих приемах играл зять Артуро Тосканини, знаменитый пианист Владимир Горовиц, окончивший киевскую консерваторию, пел выдающийся бас Поль Робсон, выступали и другие артисты. Запомнилось, что на этих приемах Гречанинов всегда плакал, и семидесятисемилетнего композитора уводила дочь из зала приемов и в вестибюле успокаивала отца.

Рахманинов на эти вечера не приходил. О нем я не раз беседовал с русскими эмигрантами, и в частности с Николаем Малько, который лично знал Сергея Васильевича с дореволюционных лет по совместным выступлениям в Петрограде и за границей. Картина складывалась такая: Рахманинов болезненно переживал разрыв с Родиной и нападение фашистской Германии на Советский Союз. Но по своей природе он был весьма замкнутым человеком и всегда уходил от разговоров на политические темы, особенно если они касались Советского Союза. Малько высказывал мысль, что, возможно, Рахманинов не заявлял открыто о своих патриотических чувствах еще потому, что ведущие музыкальные деятели СССР забыли его, ни разу не пытались установить с ним контакт, а тем более пригласить в Россию.

В связи с этим интересна история самого Малько. В 1928 году он выехал в заграничную командировку для пропаганды советской музыки. Перед отъездом его принимал нарком просвещения А. В. Луначарский. Находясь за границей, дирижер оставался гражданином СССР и регулярно продлевал свой советский паспорт. Первые пять лет Малько направлял в Москву отчеты о своей деятельности по пропаганде советской музыки. Однако никаких ответов или замечаний оттуда не получал.

– Когда в 30-х годах начались политические процессы в Москве, – рассказывал Малько, – я посчитал, что советская музыкальная элита, видимо, не захотела поддерживать со мной переписку. Это огорчало меня, но я продолжал оставаться советским гражданином и сейчас, как видите, часто прихожу в консульство...

Рассказывая о Рахманинове, Малько подчеркивал, что ему понятно чувство обиды, которое возникло у великого композитора. Именно она, эта обида, обостренная природной замкнутостью и нерешительностью, не позволила Рахманинову открыто выступить с заявлением в поддержку Советского Союза.

Советский гражданин, эстонский пианист Владимир Падва, пришедший в консульство осенью 1941 года, чтобы продлить свой совзагранвид и внести пожертвования в фонд помощи Красной Армии, сообщил мне, что 1 ноября Рахманинов дает концерт в знаменитом зале Карнеги-холл. Падва рекомендовал побывать на концерте и послушать игру великого маэстро. Я последовал доброму совету.

Все места в зале были заняты. На концерт пришли в большинстве своем люди состоятельные. В первом отделении Рахманинов исполнял произведения Моцарта, Бетховена, Шумана и Баха. Во втором маэстро играл свои вещи. Запомнилось появление Рахманинова на сцене. Выйдя из-за кулис, он направился к роялю большими, размеренными шагами. Зал встретил его аплодисментами. Подойдя к инструменту, он повернулся лицом к публике, поклонился и, откинув фалды фрака, сел на стул. Расслабленно опустил длинные руки, которые свисали чуть ли не до пола. Закрыв глаза и наклонив голову, замер на несколько секунд, затем, словно очнувшись, начал играть.

На сцене Рахманинов все делал неторопливо, как бы машинально, не проявляя никаких эмоций и признаков того, что он замечает присутствующих в зале. Он играл без нот, легко,

слегка раскачиваясь туловищем взад и вперед. После окончания каждой пьесы раздавались бурные аплодисменты. Отвечая на них, Рахманинов поднимался со стула, поворачивался к залу, клал ладонь левой руки на крышку инструмента и движением одной лишь головы благодарил публику.

Я сидел в третьем ряду и внимательно рассматривал великого пианиста. Лицо его было продолговатое, землистого цвета, выражавшее усталость и суровость; нос большой, глаза впалые, тусклые, волосы с проседью, коротко подстрижены. Чувствовалось, что он то ли сильно устал, то ли болен, то ли чем-то расстроен.

Я испытывал сочувствие и жалость, глядя на изможденного великого артиста. И догадывался, почему у маэстро в тот вечер не было вдохновения и творческого горения, почему у него было унылое, тягостное настроение. Это объяснялось, по-моему, длительной, изводящей его тоской по Родине, которая в то время терпела тяжкие поражения в войне против фашистских захватчиков.

Через два или три месяца волею судьбы я еще раз оказался свидетелем на этот раз необычного музыкального выступления Рахманинова.

С малых лет, приученный дедом, я каждую неделю ходил в баню попариться. Делал это иногда и в Нью-Йорке. Однажды пошел в русские бани на углу Второй улицы и Второй авеню. Войдя в большой предбанник, неожиданно услышал стройное хоровое пение на русском языке. Я разделся на лежаке, указанном мне банщиком, и стал оглядывать помещение и находившихся там людей. В предбаннике стояло лежаков тридцать, на многих из них сидели завернувшиеся в простыни пожилые мужчины. Они слаженно, профессионально пели русские и украинские песни. На крайнем лежаке ко мне спиной сидел старик и аккомпанировал певцам на гитаре.

Я подошел к стойке бара, заказал стакан пива и поинтересовался у бармена, что это за люди.

– Как, вы их не знаете? – удивленно спросил тот. – Это же всемирно известный хор донских казаков во главе с его руководителем Сергеем Жаровым.

И указал мне на небольшого роста мужчину, сидевшего рядом с гитаристом. Только тут я разглядел, что гитаристом был Сергей Васильевич. Затем бармен сообщил, что хористы частенько навещают баню и, когда есть настроение, поют. Изредка сюда приходит Рахманинов, и тогда хор поет под его руководством.

Казаки исполнили несколько песен. Потом хористы затянули песню «Вечерний звон». И тут Рахманинов, до того тихо подыгрывавший на гитаре, преобразился. Он несколько раз останавливал певцов, энергично и властно указывал, какие места надо петь медленнее, какие быстрее, какие тише, какие громче, требовал выдерживать паузы, соблюдать темп.

Рахманинов встал, отложил в сторону гитару и стал дирижировать. Видно было, что маэстро во власти вдохновения. Несколько минут он терзал хор своими замечаниями, пока, наконец, позволил исполнить «Вечерний звон» от начала до конца без пауз. Затем маэстро попросил повторить песню еще раз.

Каждую фразу, каждое слово песни артисты пели отчетливо, протяжно, какими-то взволнованно-трепетными, щемящими душу голосами, в которых слышалась глубокая тоска. Я был потрясен. Столь задушевно, искренне и красиво могли исполнять песню только артисты, покинувшие Родину и осознавшие, как тягостно им жить без нее. Такого проникновенного и красивого пения я никогда не слышал.

Закончив пение, Рахманинов и хористы оделись, выпили в баре по чарочке водки и вышли в темноту промозглого зимнего нью-йоркского вечера.

Рахманинов умер в конце марта 1943 года в Калифорнии. Перед смертью он завещал похоронить себя в родных местах под Новгородом. Как мне рассказывал генконсул Киселев, вначале предполагалось, что гроб с прахом композитора будет отправлен на одном из совет-

ских торговых судов из Сан-Франциско во Владивосток и далее до предполагаемого места захоронения. Однако антисоветские русские эмигранты были против и уговорили жену композитора Наталью Александровну не делать этого. Затем некоторое время в кругах русской эмиграции говорили о намерении семьи похоронить Рахманинова на русском кладбище в Сан-Франциско. Однако жена и дочери в конце концов приняли решение предать тело земле на кладбище Консико в маленьком городке Вальхалле недалеко от Нью-Йорка.

Не могу не рассказать еще об одном случае, имеющем некоторое отношение к русской эмиграции в Нью-Йорке.

На самой фешенебельной улице Нью-Йорка – Пятой авеню, между Пятидесят девятой и Шестидесятой улицами, находился небольшой ювелирный магазин «Старая Русь». В нем продавались изделия из золота, драгоценных камней и фарфора. Это были большей частью предметы, ранее принадлежавшие царскому двору, богатым князьям, фабрикантам. Магазин держал некий А. Золотницкий. Один квартал отделял магазин от советского генконсульства, и мы каждый день проходили мимо него. У его витрины всегда стояло несколько человек.

Через три-четыре месяца после нападения фашистской Германии на Советский Союз хозяин магазина неожиданно выставил на витрину небольшую картину «Русские казаки в Берлине, 1814 год», под которой на ватмане черной тушью по-английски было написано: «Повторится ли история?».

Интересно было наблюдать, как реагировали американцы, рассмотрев картину и прочитав надпись. В 1941-м и в начале 1942 года большинство прохожих скептически улыбались, не веря, что такое может произойти. Постепенно витрина стала привлекать все большее внимание, вызывать горячие дискуссии, особенно в дни окружения и уничтожения армии Паулюса под Сталинградом. Некоторые открыто утверждали, что история повторится, только вместо казаков первыми в Берлин придут советские танкисты.

О картине «Русские казаки в Берлине» газета «Нью-Йорк таймс» поместила короткую заметку, что привлекало еще больше людей к витрине магазина Золотницкого.

После победы советских вооруженных сил на Курской дуге летом 1943 года американцы, останавливавшиеся перед картиной, комментировали: «Теперь все ясно. История повторяется». Но однажды один прохожий возразил, подчеркнув, что произойти это сможет лишь в том случае, если союзники откроют второй фронт в Европе: Советский Союз в одиночку с Гитлером не справится. Раздался дружный смех. И я помню такую реплику: «Союзникам нужно торопиться, а то русские не только в Берлин, но и в Париж опять придут».

В последние дни войны, когда каждому стало ясно, что первыми в Берлин войдут советские войска, прохожие останавливались возле витрины все реже, некоторые с явным недовольством смотрели на картину, и на их лицах можно было прочесть сожаление и немой вопрос: «Почему же не американцы первыми войдут в Берлин?»

9 мая 1945 г. Золотницкий убрал картину.

В годы Второй мировой войны в США проводилось множество различных митингов, устраиваемых политическими, профсоюзными, женскими, молодежными и различными эмигрантскими организациями. Главной целью была моральная и материальная поддержка военных усилий советского народа. Американцы, не одурманенные антисоветской пропагандой и сознававшие, что фашизм является врагом всего человечества, требовали, чтобы США и Англия вели более активные военные действия против Германии.

Во время митингов обычно происходил сбор пожертвований в фонд помощи Красной Армии. На важных митингах выступали посол Советского Союза, генеральный консул или специально приезжавшие из СССР видные общественные деятели. Любили слушать писателей Илью Эренбурга и Константина Симонова, народного артиста СССР Соломона Михоэлса, Героев Советского Союза снайперов Людмилу Павлюченко и Владимира Пчелинцева, секретаря Московского комитета комсомола Николая Красавченко. Их яркие, страстные речи

оказывали влияние на американское общественное мнение. На таких крупных митингах иногда присутствовали представители правительства США, а также финансовых магнатов – Рокфеллера, Дюпонов, Мелонов. Они тоже выступали за необходимость координации действий союзников, подтверждали готовность помогать СССР. Иногда прямо там, на трибуне, передавали от имени своих корпораций чеки на суммы пятьдесят – сто тысяч долларов в фонд помощи Советскому Союзу. Для них это были, в общем-то, мизерные суммы, ибо война приносила им миллиардные прибыли.

Как правило, все мероприятия, на которых мне пришлось присутствовать, представляя советское генконсульство, проходили без каких-либо эксцессов. Запомнились лишь две встречи при не совсем обычных обстоятельствах.

Радиовещательная компания Си-би-эс прислала письмо генконсулу с просьбой направить советского представителя для программы «Воюющие союзники», в которой должны были принять участие также представители США, Великобритании и Франции. Тот поручил это мне.

Через несколько дней состоялась репетиция, на которую я пришел, выучив наизусть пятиминутную речь. Ведущий программы и четыре представителя союзнических стран сели за стол. В зале, рассчитанном на тысячу двести человек, находилось около тридцати мужчин и женщин, которые должны были вечером стать заводилами оваций.

Ведущий произнес вступление и дал первое слово представителю Франции, потом – Англии. Перед началом их выступлений исполнялись национальные гимны, «Марсельеза» и «Боже, храни короля». Когда ведущий назвал мою фамилию, я подошел к трибуне. В этот момент из динамика вместо ожидаемого гимна Советского Союза «Интернационал» полилась мелодия «Дубинушки». Меня всего передернуло. Повернувшись к ведущему, я спросил, почему не исполняют советский гимн. Он ответил, что у них нет пластинки и что они решили пустить популярную русскую народную песню. Я отошел от трибуны и заявил, что без исполнения гимна моей страны выступать не могу, и покинул студию.

Шел пешком, чтобы успокоиться. По дороге все думал о том, как же не любят нашу страну американские реакционеры. Через двадцать минут я был в генконсульстве. Дежурный передал мне, чтобы срочно зашел к шефу. Когда я вошел в кабинет Киселева, там находилась женщина – представитель компании Си-би-эс. Она приехала на автомашине и уже сообщила генконсулу в дипломатичной форме, что я отказался от выступления и тем самым поставил под угрозу срыва важную политическую программу радиостанции. Не скрывая досады, я рассказал Киселеву, как все было, и предложил не участвовать в передаче. Генконсул заметил, что Си-би-эс уже принесла извинения по поводу происшедшего, что в студии нашли нужную пластинку и просят, чтобы советский представитель пришел на репетицию сейчас, так как о предстоящей передаче уже объявлено во всех газетах. Евгений Дмитриевич сказал американке, что он полностью одобряет мои действия, потому что мы не можем допустить даже малейшей дискриминации советского народа, несущего основную тяжесть борьбы с фашизмом.

Вечером мы собрались на десять минут до начала программы. Американец и англичанин словом не обмолвились о случившемся на репетиции, а француз, пожав мою руку, одобрил мой поступок и сказал, что в данной ситуации он сделал бы то же самое.

Летом 1943 года после Курской битвы редакция газеты «Новое русское слово» прислала генеральному консулу приглашение посетить собрание читателей, на котором в торжественной обстановке будет вручен чек на пятьдесят тысяч долларов для передачи Советскому правительству. Генконсул Киселев ответил, что он, к сожалению, из-за большой занятости не может лично воспользоваться их любезным приглашением, но вместо него обязательно прибудет другой представитель консульства. И назвал мою фамилию.

В назначенное время я пришел в русский клуб на западной стороне Манхэттена, в районе Сто сороковых улиц. Перед входом в здание меня встретил молодой человек, который, после любезного приветствия, сказал:

– Если вы не возражаете, то я хотел бы вас представить трем князьям, конечно бывшим, которые приняли активное участие в сборе средств и подготовке сегодняшнего собрания.

Я не возражал. Мы вошли в здание, сняли пальто, и молодой человек провел меня в комнату, где находились князья и еще три-четыре человека из руководства «Нового русского слова». Все встали. В комнате был накрыт стол – бутерброды и бутылка смирновской водки. Я обратил внимание, что справа от меня, около стены, стояли три старика. Один из них в царской военной форме. Я сразу догадался, что это и есть князья, и подумал: «Как же я буду их называть – господин, князь, мистер?» Первым мне представили князя Разумовского. В форме царского генерала, старый, белый как лунь, морщинистый, он стоял прямо, руки по швам, с высоко поднятой головой. На его груди было много начищенных до блеска царских орденов и медалей. Здороваясь с ним за руку, я произнес:

– Здравствуйте, рад с вами познакомиться. – Князь, судя по всему, тоже волновался перед встречей, может, первой в его жизни, с советским человеком и не знал, что ответить. Он наклонил голову, потом слабым старческим голосом сказал:

– Здравствуйте, здравствуйте... И замешкался. Чувствовалось, что князь не знает, как меня назвать – то ли «господином», то ли «товарищем».

Второй князь – плотный, подтянутый, седоватый мужчина лет шестидесяти пяти, в темно-сером костюме. Он спокойно поздоровался, назвал меня «мистером», произнеся это слово чисто по-английски. Его взгляд говорил о том, что хотя он и пришел сюда, но это еще не означает, что он все одобряет в СССР.

Третий князь оказался самым молодым. Полнеющий, только начинающий седесть, высокого роста, с красивым лицом мужчины. Когда я сделал шаг в его сторону, он стоял со сдержанной улыбкой на лице, сложив руки в замок на животе и вращая большими пальцами один вокруг другого. Как только наши взгляды встретились, он, оставаясь в той же позе, неожиданно для меня сам себя представил:

– Бывший князь Владимир Кудашев. В настоящее время никаких препятствий большевикам не чиню. Все громко рассмеялись, а Кудашев, сдержанно улыбаясь, подал мне руку. Тут же бразды правления перешли к нему. Он сказал, что по русскому обычаю гостя встречают угощением, и предложил выпить всем по рюмке русской водки.

– За скорую победу нашей Родины над фашистской Германией!

Пока другие продолжали закусывать, он сообщил мне намеченный порядок собрания. Все присутствующие в комнате идут в зал и садятся на сцене за стол президиума, я – рядом с князем Разумовским, являющимся дальним родственником фельдмаршала Голенищева-Кутузова. Будут два кратких выступления от русской колонии, а после вручения чека они хотели бы, чтобы несколько слов сказал я. По окончании официальной части состоится концерт самодеятельности.

Мы прошли в небольшой заполненный до отказа зал. Кудашев открыл собрание и произнес искрометную краткую вступительную речь. После него слово взяла одна писательница. К сожалению, память моя не сохранила ее фамилию. Она страстно говорила о чувстве негодования, охватившем русскую колонию, когда Гитлер напал на Россию, и о том, что эмигранты, как истинные патриоты, все «распри позабыв», стали вести работу по оказанию помощи героическому русскому народу, чтобы хоть на малую толику умерить его страдания. В конце выступления она вручила мне чек на собранные деньги. Речь писательницы была доброжелательной, патриотической, но она избегала произносить слова «советский» и «Красная Армия». Советский Союз она называла Россией.

По окончании официальной части члены президиума спустились в зал и устроились в первом ряду, я – рядом с князем Кудашевым. Начался концерт самодеятельности. Играл небольшой оркестр русских народных инструментов, выступали хор и солисты – главным образом дети эмигрантов, никогда не видевшие Отечества своих родителей и знавшие его только по книжкам и рассказам взрослых. Они с душой пели русские народные песни. Мне понравилось их исполнение, и я искренне аплодировал артистам. Потом доморощенный конференсье объявил следующий номер – русскую народную песню «Бублики» – и назвал исполнителей. Зал замер в ожидании чего-то необычного. На сцену вышли парень с девушкой в русских национальных костюмах и стали танцевать под аккомпанемент гармошки. Танцую, выступавшие напевали куплеты с антисоветским душком. Я повернулся к князю Кудашеву и спросил:

– Это что, специальный номер для советского гостя? Кудашев задал встречный вопрос:

– А вам это не нравится?

– Это же антисоветчина, – ответил я.

Тогда князь взобрался на сцену, встал между исполнителями и, махая руками, недовольным голосом прокричал:

– Вы, глупцы, прекратите свои нечестивые песни и пляски! Прекратите, прекратите! Вы оскорбляете соотечественников, сражающихся с нашим злейшим врагом.

В зале раздались аплодисменты. Вначале робкие, они быстро перешли в овацию, в которой потонули отдельные неодобрительные голоса. Куплетисты исчезли за кулисами.

Когда мы выходили из зала, Кудашев стал заверять меня в том, что он не знал о подготовке «нечестивого номера», иначе он уговорил бы организаторов не показывать его. Я поблагодарил князя за его благородство за то, что он взял на себя смелость остановить куплетистов.

– Это была просто реакция порядочности с моей стороны в отношении Родины, – заметил князь. – Вы знаете, все русские эмигранты, признают они СССР или нет, сейчас исполнены гордости, ходят с высоко поднятой головой. Победы Красной Армии над казавшимся несокрушимым гитлеровским вермахтом морально возвысили всех русских. И это чувствуют даже американцы.

Представительская деятельность – подготовка речей, поездки в разные города, выступления и присутствие на митингах и собраниях – требовала большого напряжения сил, отнимала много времени. Но польза от нее была несомненная – она давала возможность находить друзей Советского Союза, которые могли оказать важную секретную помощь, а также пополняла мои знания, обогащала опыт общения с иностранцами, что немаловажно для успешного ведения разведки. Тогда я четко понял: только постоянное и добросовестное выполнение официальной работы способствует успешному осуществлению разведывательных заданий. И наоборот, пренебрежение обязанностями по «прикрытию» отрицательно сказывается на разведывательной деятельности.

В резидентуре

В 1941 году в резидентуре насчитывалось тринадцать человек, включая трех технических сотрудников. В годы войны возможности заменять разведчиков регулярно, как в мирное время, не было, и они работали бессменно четыре-пять лет. Так случилось, что в Нью-Йорке часто менялись резиденты, потому что они были самыми активными разведчиками, об их деятельности становилось известно противнику и им приходилось покидать страну. Дело в том, что в те годы резидент обычно считался не только начальником, но и ведущим разведчиком. Он проводил особо важные вербовки и имел на связи наиболее ценных агентов. Считалось, что только активно работающий резидент мог правильно руководить подчиненными ему людьми, быть для них авторитетом в оперативных вопросах. Действительно, личный пример руководителя резидентуры психологически сильнее воздействовал на молодых разведчиков, чем слова, и побуждал их энергично включаться в разведывательную работу.

До конца апреля 1941 года резидентуру в Нью-Йорке возглавлял Гайк Бадалович Овакимян, в прошлом научный сотрудник, кандидат химических наук. Он прекрасно знал Соединенные Штаты и хорошо владел английским языком. По прикрытию Овакимян являлся инженером-консультантом Амторга. Он сумел завербовать нескольких агентов для научно-технической разведки, которые успешно действовали долгие годы и после его отъезда из США. В апреле сорок первого он был арестован сотрудниками ФБР на месте встречи с одним из его агентов, который, как выяснилось впоследствии, оказался провокатором (на жаргоне разведчиков – «подставой»).

Овакимяна выпустили под залог пятидесяти тысяч долларов, и над ним должен был состояться суд. Но после нападения фашистской Германии на СССР по указанию президента Рузвельта провалившегося резидента судить не стали, и в начале июля он выехал в СССР.

Затем на должность резидента назначили опытного разведчика Василия Михайловича Зарубина, на которого Центр возложил ответственность за организацию разведывательной работы не только в Нью-Йорке, но и в Вашингтоне.

Позднее я узнал, что перед отъездом в США Зарубина вместе с начальником разведки Павлом Михайловичем Фитиным принимал Сталин. Он определил: главные усилия резидентура в США должна направить на то, чтобы помочь выиграть войну, и поставил конкретные задачи:

- следить, чтобы Черчилль и американцы не заключили с Гитлером сепаратный мир и все вместе не пошли против Советского Союза;
- добывать сведения о военных планах Гитлера в войне против СССР, которыми располагают союзники;
- выяснять секретные цели и планы союзников в этой войне;
- пытаться узнать, когда западные союзники собираются в действительности открыть второй фронт в Европе;
- добывать информацию о новейшей секретной военной технике, создаваемой в США, Англии и Канаде.

Сталин также отметил, что советское правительство заинтересовано в получении секретной информации и по многим другим вопросам, важно, чтобы это помогало приблизить разгром фашистской Германии и вскрывало тайные планы союзников относительно послевоенного устройства мира.

Зарубин родился в 1894 году, коммунист с 1918 года. Активный участник гражданской войны. В 1921 году направляется в органы ВЧК. Через четыре года стал сотрудником внешней разведки. До приезда в Нью-Йорк около тринадцати лет находился на нелегальной раз-

ведывательной работе во Франции и Германии. Лично провел ряд ценных вербовок, характеризовался как мужественный, решительный и результативный разведчик.

Когда Василий Михайлович прибыл в Нью-Йорк, ему исполнилось сорок семь лет. Среднего роста, полнеющий блондин с редкими волосами, которые он зачесывал назад, всегда носил очки в белой металлической оправе. Обладал недюжинной физической силой, прекрасно играл в теннис. Большой жизнелюб, в компании заводила, любил петь, хорошо играл на различных музыкальных инструментах. Его серые глаза всегда были немного воспалены от постоянной многочасовой работы и чтения огромного количества материалов. Умел слушать собеседника. Говорил быстро, каким-то трубным голосом. Обладал чувством юмора, любил шутку. В обращении с подчиненными вел себя просто. Требовал, чтобы его сотрудники были инициативными, смелыми, даже отчаянными. «Смелость города берет», – часто говорил он молодым разведчикам. Он не любил иметь дело с серенькими, боязливыми, во всем умеренными людьми, которые весь свой ум направляют на то, чтобы доказать, что они не могли выполнить трудное задание, так как условия-де не позволяли.

Несмотря на постоянную загруженность, Зарубин находил время беседовать с начинающими «охотниками за секретами», особенно с теми, которые только что включились в оперативную работу. Он очень ценил в них самостоятельность, инициативу и творческий подход к делу. Беседуя или читая отчеты о проведенных мероприятиях, радовался и одобрял, когда молодой сотрудник в силу изменившейся обстановки или появления новых, ранее неучтенных обстоятельств инициативно и умело сам вносил коррективы в ранее намеченные планы. И наоборот, выговаривал тем, кто в своих действиях слепо придерживался утвержденных проектов, несмотря на то, что сложившаяся ситуация требовала внесения изменений.

В то же время Зарубин настаивал, чтобы сотрудники точно и качественно выполняли его распоряжения. Знаю несколько случаев нерадивости и медлительности некоторых разведчиков, которых Василий Михайлович подверг резкой, но справедливой критике, после чего провинившиеся сразу начинали работать более активно и продуманно. Сильной стороной резидента мы считали его огромный опыт оперативной работы, в том числе в нелегальных условиях, и его блестящий профессионализм. Он имел много связей среди иностранцев, успешно вербовал агентов. Лично работал с самой важной агентурой. Беседы, указания, товарищеская критика Зарубина, а самое главное – его практическая деятельность помогали развить у молодых сотрудников самостоятельное оперативное мышление, воспитывали сознательное отношение к работе, желание отдать все силы и знания для успешного выполнения поставленных задач.

Проявляя огромную активность, Зарубин, видимо, не всегда уделял достаточное внимание зашифровке своих действий. Его деятельность стала известна ФБР. В конце 1944 года он был объявлен «персоной нон грата» и вынужден выехать в СССР.

Под непосредственным руководством генерал-майора Зарубина нью-йоркская резидентура, по оценке Центра, проделала серьезную работу по проникновению в правительственные учреждения и на военно-промышленные объекты США. Это позволило разведке получить ценную документальную информацию, касающуюся новейших видов оружия, военно-политических планов, в том числе послевоенного переустройства мира.

За заслуги перед Родиной Зарубин был награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и знаком «Почетный сотрудник государственной безопасности», многими медалями. Умер он в 1972 году.

Центр долго не мог прислать на место Зарубина равноценную фигуру. Обязанности резидента исполняли сотрудники, которые не обладали большим оперативным опытом, умением работать с людьми. А это было так нужно, ибо условия для советской разведки в Соединенных Штатах ухудшались с каждым месяцем.

Около года резидентом оставался Степан Апресян. В органы разведки он пришел в 1932 году. В Нью-Йорк Апресян приехал в возрасте тридцати пяти лет. Сотрудники резидентуры уважали его за эрудицию и добрый, покладистый характер. Его старший брат, нарком внутренних дел одной из Среднеазиатских республик, в 1938 году был арестован и расстрелян. Степан тоже угодил под арест. Через год брата посмертно реабилитировали.

Апресяна тут же освободили и вновь направили в разведку. Он был талантливым лингвистом. Иностранные языки изучал невероятно быстро, за три-четыре месяца, и знал их множество, включая такие трудные, как финский, турецкий, арабский. Оперативные документы составлял великолепно: с точки зрения логики, стиля и грамматики они считались безукоризненными.

На связи у Апресяна находился агент, встречи с которым для него стали мучением. Расстрел брата, месяцы, проведенные в тюрьме, видимо, не прошли для Степана бесследно. Он стал болезненно нерешительным, за несколько дней до встречи с агентом начинал нервничать. Это состояние отражалось на всем его облике и действиях. Степан весь уходил в себя, невнимательно слушал собеседника. В ходе проверки перед встречей беспокойно осматривался кругом, быстро, почти бегом, большими шагами передвигался по улицам.

В 1945 году Степан Апресян был отозван в Москву. В центральном аппарате он проработал до пенсионного возраста и вышел в отставку. Затем поступил на работу редактором в Издательство литературы на иностранных языках, где его очень ценили. Когда в Праге начал выходить журнал «Проблемы мира и социализма», Апресяна пригласили туда. Много лет он жил в Чехословакии, считался незаменимым сотрудником, так как отлично редактировал издания на многих иностранных языках.

В резидентуре я чаще всего сталкивался по работе с Л. Р. Квасниковым, А. А. Яцковым, К. А. Чугуновым, С. М. Семеновым, М. А. Шаляпиным. Этих очень разных людей объединяло одно – все они были беззаветно преданы разведке и нашей Родине.

Для меня было весьма поучительно наблюдать, как они строили свой рабочий день. Их отличали организованность, трудолюбие, умение использовать каждую минуту для дела. Я часто обращался к ним за помощью, старался перенять все положительное. В целом они сыграли большую роль в моем формировании как разведчика. Поэтому хочу кратко рассказать о них.

В 1942 году в резидентуру прибыл заместитель резидента по научно-технической разведке Леонид Романович Квасников. Он родился в 1905 году в семье железнодорожника. Работал строителем, помощником машиниста и машинистом.

Окончил институт, по специальности инженер-механик. Три года учился в аспирантуре. В 1938 году его взяли на работу в Иностранный отдел НКВД. Он стал одним из основателей научно-технического направления внешней разведки. Находясь в резидентуре до конца войны, проявил себя способным руководителем. Много времени уделял работе с подчиненными, глубоко и в деталях намечал оперативные мероприятия, что во многом способствовало успешной работе разведчиков.

Квасников считался умелым конспиратором. Особенно большое значение он придавал организации надежной скрытой связи с агентурой. Он приучил сотрудников беседовать с ним в резидентуре шепотом, не называть фамилии, псевдонимы и другие личные данные на лиц, о которых шла речь, а писать все это только на бумаге и требовал, чтобы так делали его собеседники. Постоянная забота Леонида Романовича о соблюдении конспирации, несомненно, положительно сказывалась на работе научно-технической линии. Под его руководством резидентура сумела добывать важные разведывательные материалы по использованию энергии атома в военных целях, по авиации и реактивной технике, по радарам, компьютерам и другой электронной аппаратуре.

Опытным разведчиком оказался тридцатилетний Семен Маркович Семенов. Он прибыл в США в 1939 году. Около двух лет проучился в Массачусетском технологическом институте, после чего его направили на работу в Амторг в Нью-Йорке. За время учебы в институте хорошо изучил английский язык и американскую действительность. Маленького роста, с утиным носом и большими глазами, которые при разговоре с собеседником медленно вращались, как параболические антенны, он быстро сходился с людьми. Вид у него был солидный, и он вполне сходил за средней руки американского бизнесмена.

Семенов легко устанавливал контакты с американцами и иностранцами, умело разрабатывал и вербовал их. Он поддерживал хорошие деловые отношения с агентами и искусно руководил ими, хотя на связи у него были весьма трудные и неуживчивые «секретные помощники».

Я помогал Семенову в работе с агентурой: принимал от него документальные материалы, которые он получал от агентов, а затем возвращал их ему, когда явка завершалась. Отснятые пленки я проявлял, внимательно прочитывал их, составлял аннотацию, которую потом он включал в отчет о встрече с агентом для отправки в Центр. На следующий день он обычно приходил в генконсульство, где я передавал ему пленку с материалами, а он, в свою очередь, рассказывал мне в общих чертах, как прошла очередная встреча. Это было весьма полезное партнерство.

Семенов остался доволен моей помощью, которая освобождала его от лишней траты времени, а главное – подстраховывала и повышала продуктивность работы. Я же был благодарен ему за то, что он щедро делился со мной своим опытом.

Запомнились мне его рассказы о работе с агентом по кличке Хват. Опытный химик, он трудился на одном из заводов компании «Дюпон», передавал нам материалы по нейлону и новейшим видам пороха. Был до мозга костей аполитичным человеком. Свое кредо он неоднократно выражал в таких словах: «Для меня одинаковы демократы, республиканцы, фашисты, коммунисты. Я встречаюсь с вами потому, что мне нужны деньги, чтобы построить дом, дать образование дочери, хорошо ее одеть и удачно выдать замуж».

Хват приходил на встречу и, показывая пакет с материалами, обычно заявлял:
– Давай тысячу долларов, тогда получишь.

В ответ Семенов спокойным тоном отвечал, что он не может платить такие большие деньги, не показав сначала «кота в мешке» специалистам и не получив их заключения: представляют ли документы для нас интерес или нет. Торг обычно занимал минут двадцать – тридцать. В итоге договаривались, что Семенов немедленно выдает аванс в две сотни долларов, а через четыре часа возвратит материалы с дополнительной суммой в зависимости от ценности сведений.

Хват сердито ворчал, но соглашался с предложением, ибо не хотел возвращаться домой с пустыми руками. В то время, как я обрабатывал материалы, Семен Маркович за ужином в ресторане проводил с агентом беседу. Когда Хвату возвращали документы, то дополнительно в конверте вручались двести или триста долларов. Получив в общей сложности в два раза меньше, чем он первоначально заламывал, агент приходил в ярость:

– Вы обманщики, жулики, бандиты, прохвосты. Я прекращаю с вами все отношения!

И быстрыми шагами уходил. Разведчик, догоняя агента, на ходу старался успокоить его и повторял ему условия очередной встречи через месяц, но агент, казалось, никак не реагировал на это.

Семенов рассказывал, что после встреч с Хватом он приходил домой вконец измотанным и в течение многих часов не мог успокоиться, так как не знал, придет агент на очередную встречу или нет. Но тот приходил, и все начиналось сначала.

На мое замечание, что, может быть, следовало платить Хвату столько денег, сколько он просил, чтобы улучшить отношения с ним и избежать нервозности, Семенов ответил:

– Во-первых, Хват – рвач, и, во-вторых, – это самое главное – Квасников и я считаем, что если мы будем выплачивать агенту значительно большее вознаграждение, то он быстро построит дом, сделает необходимые накопления и прекратит сотрудничество с нами...

Центр такую позицию в работе с Хватом одобрял.

В конце 1943 года Семенов обнаружил за собой усиленное наружное наблюдение. Он перестал выходить на встречи с агентурой. Однако слежка не прекращалась. По указанию Центра Семенов был отозван в Москву после пятилетней активной деятельности в США. Впоследствии его командировали во Францию, где он успешно вел разведывательную работу. Но когда в 1950 году началась чистка МГБ от лиц еврейской национальности, Семенова, который был евреем, уволили из министерства, не приняв во внимание его прекрасный послужной список.

Он пошел работать переводчиком в издательство «Прогресс» и быстро стал мастером своего дела – способный человек нигде не пропадет!

Активным сотрудником нью-йоркской резидентуры был мой однокашник по разведывательной школе Анатолий Антонович Яцков. В семнадцатилетнем возрасте он приехал в Москву, работал чернорабочим на стройке, затем слесарем, жил в бараке. В 1937 году окончил Московский полиграфический институт.

В США Яцков приехал, зная лишь французский язык, но благодаря способностям и упорству очень быстро, за какой-нибудь год, выучил английский. Каждый день он вел прием посетителей. Так же, как и я, был определен на научно-техническое направление резидентуры. Кроме того, он выполнял ряд заданий резидента по другим линиям. К разведывательной работе относился серьезно, все аспекты предстоящих встреч с агентами всесторонне продумывал. По складу характера любил основательно помозговать, но тугодумом его назвать было нельзя. Ум у него был острый, мысли оригинальные. Яцков был связан с агентами по атомной проблеме. Работа велась через связников, с которыми Яцков встречался в городе. Некоторая часть копий документов передавалась в тайнописи, и Яцкову приходилось долго возиться с реактивами, а затем разгадывать проявившийся английский текст, в котором нередко трудно было прочесть не только отдельные буквы, но и целые слова.

Во второй половине 1946 года Яцков несколько месяцев исполнял обязанности резидента. Прямо из Нью-Йорка он был переведен в парижскую резидентуру.

По политической линии активно действовали два молодых сотрудника нашей нью-йоркской точки – К. А. Чугунов и М. А. Шаляпин.

Чугунов – небольшого роста, со вздернутым носом, глаза глубокие, темно-голубые. Не по годам серьезный, собранный, осторожный, аккуратный. Во время выступлений или бесед мысли излагал неторопливо, логично убедительно. Говорил всегда по делу.

Он прекрасно владел английским языком, хорошо знал оперативную обстановку, проблемы внутренней и внешней политики США, расстановку политических сил. Возвратившись со встречи, немедленно садился за изучение полученных материалов, подготовку телеграмм, написание отчета и оперативных писем. Все его материалы были обстоятельными по содержанию, аккуратными по форме, резидент подписывал их почти без исправлений.

М. А. Шаляпину в 1941 году исполнилось 26 лет. Выше среднего роста, худощавый, подтянутый; глаза голубые, взгляд серьезный. Настроение у него резко менялось от гневно-сердитого к радостно-веселому. По своему характеру Шаляпин – полная противоположность Чугунову: не мог контролировать и скрывать свои чувства, был импульсивным, резким, нетерпеливым, курил сигареты беспрестанно. Очень любил рискованные операции. Пунктуально выполнял указания резидента. Хотя по своему интеллектуальному развитию он уступал Чугунову, но благодаря рвению, неукротимой жажде добиться результатов работал быстро и успешно. Обладал способностью моментально схватывать суть проблемы и решительными, порой, казалось, неоправданно смелыми действиями, добивался успеха.

Шаляпину легко давались иностранные языки. Поэтому впоследствии он командировался в разные страны. Везде работал продуктивно, вербовал ценную агентуру. С годами, однако, он пристрастился к вину, что больше всего противопоказано разведчику. Увлечение спиртным послужило причиной преждевременного увольнения его в отставку.

В резидентуре я несколько раз встречал ладно скроенного, красивого, молодого блондина. Позднее я узнал, что это наш разведчик Виктор Александрович Лягин, работавший инженером в Амторге. Он запомнился мне тем, что порой подолгу молча сидел в углу комнаты и напряженно о чем-то думал. Товарищи говорили, что Лягин крайне болезненно переживал наши неудачи на фронте. Вскоре неожиданно для нас он незаметно исчез – уехал в Москву. А через пару лет из газет мы узнали, что Лягин успешно руководил нелегальной разведывательно-диверсионной резидентурой в тылу немецких войск. 5 ноября 1944 года ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Своими сослуживцами по нью-йоркской резидентуре трудных военных лет я с полным правом могу только гордиться...

Контрразведка действует, но и мы не сидим сложа руки

Как я уже отмечал, до начала Великой Отечественной войны американская контрразведка весьма активно действовала против советских учреждений и их сотрудников, используя все имеющиеся в ее распоряжении средства: наружное наблюдение, агентуру и оперативную технику. Сотрудники резидентуры часто видели, что за ними с утра до вечера велась слежка. В их служебные и домашние телефонные аппараты вмонтировались устройства, которые позволяли ФБР подслушивать не только разговоры по телефону, но и вообще все, что говорилось в комнате, фиксировать любой, даже еле заметный шум.

В декабре 1941 года, когда США вступили в войну против Японии, а затем против Германии и Италии, ФБР все силы бросило на борьбу с разветвленной шпионской сетью разведок этих государств. В разных городах США располагались более пятидесяти консульств Германии, Японии, Италии, кроме того, сотни представительств их фирм, а также многомиллионная армия эмигрантов. ФБР в течение нескольких месяцев интернировало многих японцев, проживавших в США, арестовало сотни агентов вражеских разведок.

В силу этих причин американская контрразведка тогда мало работала против советских представителей. Однако сотрудники нашей резидентуры заметили, что ФБР возобновило активность против них после разгрома фашистских войск под Сталинградом. На близлежащих к советским представительствам улицах постоянно находились автомашины с сотрудниками службы наружного наблюдения. Наши работники выявляли «наружку» во время поездок на городском транспорте и при движении по городу пешком, ибо у разведчиков личных автомобилей не было: в резидентуре имелась всего одна машина, которой пользовались резидент и его заместитель.

Заместитель резидента по научно-технической разведке Квасников уделял постоянное внимание изучению работы бригад наружного наблюдения ФБР за нами. Каждая его беседа со мною всегда начиналась словами:

– Ну, как дела, Саша? Ходит ли за тобой «наружка»?

И, если я кивал головой, мол, замечаю ее, он просил подробно рассказать, когда, где, при каких обстоятельствах я оказывался под наружным наблюдением, и рекомендовал вести себя в таких случаях спокойно, естественно, не давая понять противнику, что заметил его. Одновременно он советовал под благовидными предлогами днем и вечером два-три раза выйти в город, проехать на автобусе, метро, походить по магазинам, зайти в кино либо по делам генконсульства в американские учреждения для фиксации слежки и изучения ее методов.

В бригадах наружного наблюдения в 1943 году работало много молодых, неопытных сотрудников, которых наши разведчики легко обнаруживали с помощью нехитрых приемов. Филеры, очевидно, набирались из числа молодых мужчин в небольших городах и после двух-трехмесячной подготовки начинали работу против нас. Сразу было видно, что они провинциалы: стиль одежды, виновато-вороватый взгляд и неуклюжие манеры. Когда они обнаруживали, что мы заметили их, терялись и не знали, что им делать. Отворачивались и смотрели в сторону или быстро заходили в первый попавшийся дом.

Был случай, когда я, переходя тихую улицу, стал приближаться к шедшему по противоположной стороне «наружнику». Тот, увидев меня, попытался нырнуть в первую же дверь, но она оказалась на замке. Он сконфуженно бросил взгляд на меня и побежал в обратную сторону. Если я заходил в магазин, кафетерий, ресторан, то один из сотрудников бригады также появлялся там и, пытаясь замаскировать свои намерения, наблюдал за мной.

При посадке в автобус кто-либо из филеров заходил вслед за мной, а остальные сопровождали нас в машине, которая следовала в непосредственной близости сзади или сбоку от автобуса, так чтобы ее не было видно.

Часто наружное наблюдение я обнаруживал, спускаясь в метро или стоя на платформе. Опасаясь, что я сяду в поезд и они потеряют след, филеры почти бегом спускались по лестнице. На платформе я обычно старался занять такое место, где бы им было трудно обнаружить меня: за колонной, у стенки, среди толпы, ожидавшей поезд. Иногда случалось, что на тихой станции метро находились только я и бригада наружного наблюдения. В таких случаях я обычно начинал думать о чем-то приятном, улыбался или, расхаживая вдоль платформы с беспечным видом, напевал мотив модной американской песенки, показывая, таким образом, что я не обращаю никакого внимания на слежку.

В «наружники» брали только мужчин. Одевались они скромно, обычно в темные, неброских тонов костюмы и пальто. Летом часто носили рубашки навыпуск, без галстуков. Помню случай, когда за мной следила бригада в составе четырех сотрудников. Один из них полдня ходил в солдатской форме. Я видел его в метро на эскалаторе, затем он зашел вместе со мной в представительство английской паровой компании «Кунард уайт стар лайн», где я заказывал билеты для советских граждан, следовавших в Лондон. Третий раз увидел этого «солдата» во время обеда в кафетерии.

В начале 1944 года я женился на советской студентке, приехавшей в Нью-Йорк изучать в Колумбийском университете английский язык и американскую систему делопроизводства. В связи с расширением ленд-лиза в Министерство внешней торговли поступал большой объем документации на английском языке. Мы стали жить в городе.

Месяца через полтора мы заметили, что за мной постоянно наблюдает женщина лет пятидесяти, проживающая в доме напротив. Мы видели ее стоящей на углу улицы или сидящей на скамейке возле парка, да и в других местах, всякий раз, когда утром выходили из дома или возвращались домой.

Случайность? Нет, быть не может! Чтобы удостовериться, что эта женщина следит за мной, я с утра договаривался с женой, чтобы она в определенное время осторожно понаблюдала, когда появится эта дама на улице и что станет делать, когда я войду в наш дом. В условленный день и час я позвонил жене на работу и сказал, что приду домой около семи вечера. Сделал это умышленно, чтобы контрразведка зафиксировала звонок и, проверив, могла убедиться в правоте моих слов. Далее мы действовали по готовому сценарию. Около семи вечера я вышел из генконсульства. Моя жена, заблаговременно пришедшая в район нашего дома, издали наблюдала, как эта женщина вышла из соседнего здания на улицу, села на лавочку в парке и все время смотрела в ту сторону, откуда я должен был появиться. Зафиксировав мое возвращение, она минут через пять зашла в будку телефона-автомата, позвонила кому-то, а затем направилась в свою квартиру. Такую проверку мы сделали трижды. Незнакомка действовала стандартно. У меня не осталось никакого сомнения в том, что она выполняет задание ФБР.

Начиная с весны 1943 года, когда было зафиксировано наращивание активности слежки ФБР за советскими представителями, по инициативе резидентуры началось совершенствование методов выявления наружного наблюдения за нами и внедрения более конспиративных приемов во всех звеньях разведывательной работы. Шла постоянная борьба между американской контрразведкой и советской разведкой. На каждое новшество ФБР сотрудники резидентуры, чтобы избежать провалов, были обязаны своевременно принимать контрмеры.

В апреле 1941 года я приступил к работе над установлением двусторонней радиосвязи с Центром. Вначале по заранее согласованному плану осваивал прием радиопередач на внутрикомнатную, а затем на внешнюю антенну, но слышимость была неважной. На нашем

низком четырехэтажном доме, окруженном небоскребами, имелась небольшая антенна. Я решил поставить более высокую. Для этой цели отыскал в штате Нью-Джерси склад, где продавались бамбуковые шесты для спортивных целей. Купил четыре штуки. Сам сделал соединительные муфты, оттяжки и с помощью товарищей установил хорошую горизонтальную антенну, подвешенную на высоте шести метров от крыши. Слышимость стала прекрасной как в дневное, так и в ночное время. И Москва принимала меня устойчиво. Из Центра стали приходить шифрованные телеграммы. А когда началась война, резидент поручил мне ежедневно слушать последние известия из Москвы и докладывать ему вкратце содержание передач. По расписанию я выходил на связь два раза в сутки – ночью и днем.

Первоначально предполагалось, что радиостанция резидентуры будет использоваться как резервная. К ней мы будем прибегать только в том случае, если международные коммерческие телеграфные линии откажутся передавать в Москву шифровки. Когда же была установлена устойчивая радиосвязь, ее стали использовать практически ежедневно в целях экономии валюты и для передачи срочных телеграмм. Так продолжалось более полутора лет. Летом 1943 года местная газета «Джорнэл америкэн» сообщила, что американская контрразведка обнаружила работу радиопередатчика в советском консульстве в Нью-Йорке. В связи с этим по указанию Центра двусторонняя радиосвязь с Москвой была прекращена. Каким-либо действий госдепартамент по сему поводу не предпринял. Видимо, посольство США в Москве тоже имело радиостанцию.

Проверку моей пригодности к ведению работы с важной агентурой резидент проводил почти два года, постепенно поручая мне все более сложные разовые задания. Я много времени уделял официальной работе по прикрытию, налаживанию и поддержанию радиосвязи с Москвой, приобретал полезные знакомства среди американцев и иностранцев, принимал в городе на конспиративных квартирах агентурные материалы от Семенова, по указанию резидента помогал делать переводы документов, полученных другими сотрудниками, которые нужно было срочно направить в Центр телеграммой, проводил явки с источниками, привлеченными к сотрудничеству другими оперативными работниками.

Несмотря на то, что американская контрразведка непрерывно вела работу против советских граждан, в целом для советской разведки во время Второй мировой войны обстановка в США была благоприятной. Среди тех американцев, которые были носителями важных военных, политических, научно-технических секретов, находилось немало таких, кто по идейным, а порою по моральным соображениям не одобрял политику правящих кругов США и Англии. Они возмущались тем, что советский народ три года в одиночестве вел кровавую битву против общего врага человечества – германского и итальянского фашизма и их союзников. Прогрессивные и честные люди особенно сильно негодовали, когда становились известны факты о том, что США и Англия готовили акции, направленные против Советского Союза и его интересов. Такие американцы по своей инициативе устанавливали контакты с представителями Москвы и сообщали им сведения об антисоветских планах властей.

Однажды в генконсульство в Нью-Йорке пришел бывший полковник царской армии, постоянно проживавший в США. Волнуясь, рассказал, что его сын, служивший в Управлении стратегических служб (УСС), с возмущением поведал ему, что сотрудники УСС в срочном порядке проводят беседы с русскими и украинскими эмигрантами и собирают информацию о портах на Дальнем Востоке, на севере и юге Советского Союза, об имевшихся у них там родственниках и знакомых. Сын полковника также сказал, что американцы готовятся к возможной высадке войск в России, якобы на тот случай, если сопротивление Красной Армии будет сломлено и Восточный фронт развалится. Доживающий на чужбине свой век русский патриот дрожащим, прерывающимся голосом заключил:

– Такого вероломства со стороны американцев я не ожидал. Это же готовится удар ножом в спину России. Остерегайтесь американцев!

Мы установили связь с его сыном, получившим в дальнейшем псевдоним Генри. Он передал нам важные сведения об объектах УСС в Вашингтоне, Нью-Йорке, о структуре управления, кадрах и разведывательной деятельности.

До войны Соединенные Штаты имели разветвленные связи с финансовыми, экономическими, научно-техническими, политическими, культурными и другими учреждениями Германии, Италии и других стран Европы. Кроме того, в США находились десятки миллионов выходцев из европейских стран. Особенно много было немцев и итальянцев. Так, накануне войны в Нью-Йорке жило свыше миллиона итальянцев. Используя благоприятные возможности, УСС приобрело в высших правительственных кругах Германии агентов, явившихся ценными источниками информации. От них разведка Вашингтона получала важные сведения, в том числе о планах на Восточном фронте. Но их Москве, увы, Вашингтон не передавал. Поэтому советской секретной службе пришлось тайно добывать их в УСС.

В военные годы много эмигрантов из стран Европы нашло убежище в Соединенных Штатах. Среди них были видные государственные и политические деятели, дипломаты, писатели, журналисты. С некоторыми представителями этих в основном антифашистски настроенных беженцев мои товарищи по резидентуре и я поддерживали регулярную связь и получали важную информацию о тайных планах США и Англии. От них и от Генри мы имели данные о том, что в Канаде и США проходили подготовку выходцы из стран Восточной Европы, которых разведки США и Англии намеревались нелегально направлять в Польшу, Болгарию, Венгрию, Румынию, Чехословакию, Югославию, Австрию. Там они должны были организовать прозападное подполье, вести разведку и сообщать о результатах своей деятельности в Лондон, используя нелегальные малогабаритные радиостанции. В конце войны, когда ясно обозначился скорый разгром фашистской Германии, им ставилась задача поднять восстание и захватить власть до прихода туда частей Красной Армии. Операции по заброске спецгрупп в страны Восточной Европы УСС проводило совместно с английской «Сикрет интеллидженс сервис» (или МИ-6), представительство которой находилось в Рокфеллеровском центре в Нью-Йорке. Действовала она под прикрытием консульского учреждения, называвшегося «Бритиш паспорт контрол офис».

В конце 1942 года резидент поручил мне как радиоспециалисту провести явки с двумя нашими агентами-радистами. Оба они были американскими гражданами. Один – польского происхождения, другой – выходец из Сербии.

Запомнились две беседы с поляком, а вернее, с белорусом Андреем.

Семнадцатилетним парнем Андрей в 1935 году вместе с родителями в поисках работы приехал в США. Работал учеником, а затем электриком в частной мастерской по ремонту электроприборов и радиоприемников. Когда в конце 1941 года США вступили в войну, он был призван в армию, а затем зачислен на курсы УСС по подготовке радистов для нелегальной заброски в Польшу.

Там курсантов обучали прыжкам с парашютом, приему и передаче радиogramм. Им читали лекции по истории Польши с националистических, антирусских и антисоветских позиций. Преподаватели объясняли, что польское эмигрантское правительство в Лондоне добивается, чтобы в результате этой войны с помощью Англии и США была создана «Великая Польша – от моря до моря».

Андрей передал мне карту такой «Великой Польши», в которую включались не только Западная Белоруссия и Западная Украина, но и большая часть Южной Украины, в том числе вся Одесская область. Андрей и его товарищ по учебе возмущались этими фантастическими планами польских националистических руководителей. Одно время в знак протеста они даже собирались подать рапорты командованию с просьбой отчислить их с курсов. Перед отъездом Андрея мы выработали расписание сеансов его радиосвязи с Москвой, а также

назначили явку в Варшаве. Я тепло расстался с ним. Через неделю он на пароходе отбыл в Англию.

После отъезда Андрея я часто вспоминал о нем, но судьба его осталась мне неизвестной. Уцелел ли он в военное лихолетье?

Работал я и с другим радистом – Кумом, который сообщил надежный адрес в Югославии, где мы всегда могли выяснить его местонахождение.

* * *

А теперь мне хотелось бы коснуться основных принципов агентурной разведки. Конечно, я имею в виду советскую разведслужбу.

Всю разведывательную деятельность по получению секретной информации с помощью агентуры можно разделить условно на три главные составные части: вербовка агентуры, руководство деятельностью агентов, поддержание конспиративной связи с агентами.

Вербовка агентуры. Легко понять, что без агентов, способных добывать и передавать важную секретную информацию, не может быть действенной разведки. Сила, высокий класс любой разведывательной службы определяются наличием у нее секретных источников информации в высших эшелонах власти: правительстве, министерствах обороны и иностранных дел, разведывательных и контрразведывательных службах, научно-исследовательских центрах и других важных государственных и правительственных учреждениях разведываемой страны. Сталину, несомненно, было значительно легче вести переговоры с Черчиллем и Рузвельтом в Тегеране, Ялте и Потсдаме, когда он по материалам своей разведки заблаговременно многое знал об их целях и планах, расхождении в позициях по отдельным вопросам.

Основная задача любого разведчика – приобретение полезных знакомств среди местных жителей и иностранцев, их изучение и определение целесообразности и возможности привлечения к сотрудничеству. Конкретно в ходе бесед должно быть установлено, что изучаемое лицо имеет хорошее здоровье, нормальную психику, умеет хранить секреты. Очень важно также определить: работает ли оно на интересующем разведку объекте или в перспективе может устроиться туда и имеет или будет иметь доступ к секретным сведениям? Обязательно необходимо выявить у разрабатываемого лица возможную основу его вербовки – идейную близость, политические симпатии, желание заработать деньги за передаваемую секретную информацию или какие-либо другие мотивы.

В странах, где активно действует контрразведка, проведение частых встреч с изучаемым лицом может быть зафиксировано слежкой, изучаемое лицо будет завербовано службой контршпионажа, превратится в «подставу», и все может закончиться провалом. Поэтому разведка при поиске кандидатов на вербовку, а также их вербовке часто использует надежных агентов-наводчиков и агентов-вербовщиков из числа местных граждан, которые, как правило, сами не имеют доступа к секретной информации. Таким агентам контрразведка уделяет меньше внимания, чем разведчикам, работающим в советских учреждениях.

Вербовочная беседа с иностранцем, в ходе тщательной разработки которого установлены целесообразность и возможность его привлечения к сотрудничеству, проводится только с санкции руководства разведки. Она, эта беседа, обычно поручается опытному оперативному работнику, который способен убедить кандидатов на вербовку в полезности и безопасности для него сотрудничать с советской разведкой. На тот случай, если объект вербовки отказывается от вербовочного предложения, предпринимаются заранее предусмотренные меры к тому, чтобы он не смог причинить вреда вербовщику или резидентуре.

Метод постепенного вовлечения в сотрудничество с разведкой применяется в отношении тех лиц, которые, будучи по натуре робкими и застенчивыми, сразу не решаются иметь

дело с разведчиком. Установив с такими кандидатами доверительные отношения, вербовщик вначале получает от него в устной форме легкодоступную ему маловажную информацию. Затем перед вербуемым ставятся задания, сложность которых постепенно возрастает. Одновременно в организацию встреч с ним вводятся все более тонкие элементы конспирации. Вербовщик также при удобном случае ненавязчиво материально вознаграждает объект вербовки. Размер денежных средств или материальных ценностей увеличивается по мере возрастания важности секретных сведений, которые сообщает агент. В конечном счете разведчик приучает вербуемого передавать ему информацию в виде записей и, наконец, фотографии секретных документов.

Руководство деятельностью агента. При работе с агентом перед разведчиком стоят три главные задачи.

Во-первых, всегда необходимо проверять преданность и надежность источника, принимая во внимание возможность перевербовки агента контрразведкой, ибо тогда он превращается из источника важной секретной информации в инструмент, с помощью которого противник дезинформирует разведку, следит за ее интересами, а при случае может осуществить провокацию. Разведчик и его руководство проверяют надежность агента, тщательно анализируя его поведение и результаты практической деятельности по передаче ценной, актуальной секретной информации. В случае возникновения подозрений в искренности агента разведка проводит специальные мероприятия по его проверке.

Во-вторых, оперработник должен воспитывать у агента желание и потребность преданно и активно работать на разведку. Выполнение этой задачи достигается путем умелого проведения с агентом хорошо продуманных идейно-политических бесед, с тем, чтобы стимулировать у него понимание внутренней и внешней политики Советского Союза. Такие беседы преследуют цель выработать у агента твердые политические позиции, которые помогли бы ему не попасть под влияние враждебных нам идей.

В-третьих, агента необходимо обучить основным приемам ведения разведывательной работы, чтобы он не совершал ошибок, вследствие которых его деятельность может быть выявлена контршпионажем со всеми вытекающими отсюда неприятными последствиями. Особенно много времени уделяется обучению правильному поведению вновь завербованного агента на службе и в быту. Его учат, кроме того, как правильно оценивать окружающую обстановку и лиц. Когда и как целесообразнее всего добывать секретную информацию, документы, каким образом их готовить к передаче разведчику, где их хранить и многому другому.

Нового агента оперработник знакомит с методами контрразведывательной деятельности противника. Эти сведения сообщают ему постепенно, по частям, во время встреч с учетом индивидуальных особенностей его характера. В практике имелись случаи, когда неискушенному агенту во время одной беседы, так сказать, чохом рассказывалось обо всех изощренных приемах работы противника по выявлению лиц, связанных с советской разведкой. В результате такого «обучения» вновь привлеченный агент, перепугавшись, переставал выходить на обусловленные встречи и прекращал сотрудничество.

Успех работы по воспитанию и руководству агентом во многом зависит от личных качеств и культурного уровня разведчика. Оперработнику нужно внимательно, даже заботливо относиться к источнику, установить дружеские отношения, беспокоиться о его безопасности и благополучии. Необходимо добиться того, чтобы агент считал разведчика авторитетным, хорошо знающим работу, приятным человеком, с которым можно посоветоваться по важным проблемам и которому можно вверить свою судьбу. Но эти дружеские отношения не должны переходить в панибратство, а базироваться на серьезной политической и профессиональной основе.

Честное, дружеское, деловое отношение обычно вдохновляет агента на творческую инициативную работу по выполнению поставленных перед ним задач. Если же он почувствует, что разведчик не заботится о нем, относится к нему неискренне, говорит неправду, источник ответит ему тем же и не будет действовать продуктивно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.